

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНУЮ

БРАНЬ

Мария Кейль

18+

ВИШНЕВАЯ
ДВЕРЬ

Все зависит от того,
что ты хочешь увидеть

Мария Кейль
Вишневая дверь

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Кейль М.

Вишневая дверь / М. Кейль — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Однажды, в самый обычный день ты шулки ради напишешь стебное сочинение. По воле случая обратишь внимание на случайно сказанное мамой слово. Защитишь новенькую от издевок. Попытаешься помириться с другом. Однажды ты попытаешься жить, как обычно, но не выйдет. Однажды ты увидишь мир иначе. Но когда это произойдет — что ты будешь делать? Содержит нецензурную брань.

Содержание

00 Чем все закончилось	5
01 Вишневая дверь	9
02 Старые книги	12
03 Пугать голубей	15
04 Сибирские имена	23
05 Давать сдачи	27
06 Хромые инопланетяне в меловых распадках	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Мария Кейль

Вишневая дверь

00 Чем все закончилось

Прости, не могу говорить спокойно. Сложно пересказать свое поражение, но я попробую. Я был ведущим кей-инженером, монтировал и устанавливал кьарты. Любимая работа, жена и маленькая дочь. Доставшийся в наследство сувенирный магазин. Со стороны – идеальная жизнь. Я не раз задумывался: зачем ввязался в противостояние? Ради чего? Мысленно, шаг за шагом прокручивал всю свою жизнь. Что изменил, если бы мог?

На размышления у меня было четверть века в сибирской колонии. По молодости такой срок звучал как «навсегда». Я даже не думал выйти живым, но день настал. Потертая сумка с одним комплектом белья, документы... Из товарищей – старый техник по прозвищу Дельфин.

Все. Я свободен?

Я не верил этому даже стоя снаружи железных ворот.

– Что замер, Академик? – Клим перекрестил руки на груди и уставился на меня. Молодой охранник попал сюда недавно и не понимал, почему мне запрещено делать поблажки, а среди заключенных я в почете. Не бойся, юноша. Я слишком устал, чтобы тебя ломать.

– Вон, остановка в километре. Через час автобус будет. Так что двигай отсюда, двигай.

Он с облегчением захлопнул дверь. За моей спиной остался заасфальтированный двор с вышками по периметру; покрытый металлом кьарт с одуряющим излучением; люди, давно забывшие цель и смысл жизни. Тюремные правила и законы остались позади.

Вперед вела убитая дорога. С двух сторон возвышались угрюмые ели. Между ними голыми обглоданными костями стояли березы. Только редкие огненные всполохи лиственниц напоминали о том, что сейчас начало октября. Холодный ветер пронизывал до костей. Я шагал по земле без границ и приказов впервые за много лет.

Под старой бетонной полусферой остановки я сел и задумался.

Когда в тридцать с небольшим я шел на сделку с властью, то не рассчитывал дожить. Думал, меня пристрелят или прикончат в тюрьме. Но мне позволили отсидеть.

Наверное, можно было вернуться в родной город за пять тысяч километров. Можно ли?
***

Я был готов к восстанию, все продумал... мне казалось, я учел риск. Как перезапустить кьарт я не рассказывал никому. Магазин заранее переписал на друга. Жена – просто учитель в школе. Только трое были посвящены в смысл происходящего, остальные знали только то, что надо было сделать.

Не успели. Поздно ночью ко мне в магазин пришел вежливый офицер:

«Знаете, нам шептнули, что... Расскажите мне подробней. Иначе мы найдем за что посадить даже вашу жену и дочь».

И я рассказал. И сел. С обещанием, что никто не пострадает, кроме меня. Наивно верил, что так и будет.

Странно, но так и произошло.

***

Старый автобус притормозил у остановки. Я зашел, но по-прежнему пребывал в своих мыслях. Я уверен, про меня забыли. Кому нужен старый революционер, когда трижды менялась власть? Таких нынче жарят на завтрак.

Я не заметил как задремал под неровное движение автобуса. Когда я открыл глаза, мы ехали сквозь стену сибирских лиственниц. Узкая дорога напоминала горную реку среди высоких, подпирающих небо деревьев. На остановке, выпуская в салон воздух ниже нуля, на улицу вышли люди. Шоссе расширилось, обрастая поселками, мостами и развязками. Автобус ехал в город.

А нужно ли мне туда?

Я вышел на следующей остановке. «Сягаевка» значилось на указателе. Ну Сягаевка так Сягаевка, какая мне разница? Около неказистого серого пятистенка женщина гребла в палисаде.

– Нет ли работы, хозяйюшка?

Она посмотрела на меня долгим изучающим взглядом. На мои мозолистые руки, квадратную фигуру, побитое временем лицо, неказистую старую одежду.

– Оттуда что ли? – буркнула она, – Поди и жить-то негде?

Я кивнул.

– Ну, непутевые! – вскинула она руки. – Не люди – аспиды! Всех мужиков – туда! Проклятые!

Она провела меня в избушку, где работы и впрямь был непочатый край. По ходу, охая и причитая, рассказала свою историю. И я понял ее доброе отношение к тем, кто «оттуда»: местные мужики несколько лет назад выступили против вороватого главы. Их разогнали, одному сломали ногу, двоих посадили. «Ладно бы просто воровал», – запричитала женщина, – «так сел, наркоман эдакий, под “каплей” за руль и сбил парня на служебной машине. Самые смелые собрались снова. Глава сказал, что угрожали убить, но не верю! Кто ж убивает-то в наше время! Просто хотели к совести достучаться! Ну и посадили всех через одного – за соучастие».

– А кьярт? – спросил я, хлебая ароматный борщ, – Почему главу и всех мужиков не проверили?

– Так нет его, милый. Уже годков как шесть сломался. Чинить некому, а в город везти бюджету не хватает.

«Поздно вато он сломался», – подумалось мне.

Этим «ладно бы просто воровал» она меня сразила. Я не чувствовал свое поражение так остро, даже на допросе под траурную музыку.

– А ты-то сам чего умеешь? Кем работал? – спросила женщина. Я замешкался.

– В магазине продавцом. Обрато никто не возьмет.

Четверть века назад люди еще были готовы бороться. Сейчас... Интересно, сейчас еще хоть кто-то понимает, что происходит?

– Оставайся, коли идти некуда, – просто сказала хозяйюшка.

– Спасибо.

Я подумал и согласился. Почему нет? Этим людям я могу помочь руками. Это не сложно. Так и остался. Поправил избушку, починил печь, завел пчел, скотину, собак. Стал ходить на охоту, помогал соседям. Руками, без электроники и новостей.

– Тебе бы главой быть, но кто ж поставит сидельца на должность? – Охала хозяйюшка.

Должность мне никто и не дал, но помогать не мешали. Я делал все, чтоб деревня не загнулась. Валентина, моя хозяйюшка, говорила что я даже помолодел. Нет, просто у меня появилась цель – хоть что-то после себя оставить. Только кьярт чинить не стал.

Я не отдавал себе отчета, но теплилась надежда, что кто-то поймет. Кто-то заметит. Но нет. За пять лет – тишина. Уже кое-кто из сидевших вернулся, и мы справили новое здание деревенскому клубу. На открытие из города приехали учащиеся музыкальной школы с концертом.

***

Август, вечер.

В кои-то веки районная администрация подсуежилась, и привезла лучший класс известной школы. Пока дети, шумя и громко обсуждая какую-то заразу, выносили инструменты, ко мне подошел водитель автобуса и протянул простой бумажный конверт без надписей. С тревогой в сердце я открыл его – и отошел в сторону.

Текст начинался со знакомой фамилии. Когда я только вышел из заключения – я бы согласился на предложение не раздумывая. За четверть века я придумал не один план. Только сейчас мне было все равно. Людям безразлично, так почему должно волновать меня? Я скомкал бумагу и засунул в карман.

— Андрей Николаевич, пора! – время мне открывать концерт.

...девочка, что играла Шопена казалась до боли знакомой. Длинные волосы рассыпались по плечам, напомнив искры осенних костров.

– Арионова Дана! – объявил учитель, и она поклонилась.

Я подошел к ней после концерта. Дана, значит. Арионова? То есть тот рыжий оболтус Петька очаровал мою дочь? В Сибири-то девочка как оказалась? Я не должен был встретить ее. Никогда. Я должен быть в стороне, но...

– Ты так красиво играла, – сказал я ей (а что еще можно было сказать незнакомой девочке?) – кто научил тебя играть на пианино?

– Мама, – ответила она и нахмурилась, как от боли.

– А как маму зовут? – спросил я и тут же прикусил язык.

– Вам зачем?

– Имя интересное, вдруг в честь кого-то назвали.

– А, – она замялась, – Мама... умерла, – грустно сказала она. И замолчала. – А назвали в честь дедушки.

Заколело в сердце. Анечка, моя Анечка... Я замолчал. Девочка подняла на меня светлые глаза:

– Можно вас спросить, – она неловко замялась, а потом набралась смелости и продолжила, – я хочу собаку. Нам еще до концерта Валентина Петровна показывала щенков, они такие красивые!

– Хорошо, внучка, – невольно улыбнулся я, – пойдем посмотрим.

– Не зовите меня так! – вскинулась она, – я уже взрослая, мне двенадцать лет!

– А как мне тебя звать?

Она задумалась.

– Вы такой старый... зовите внучкой. По имени я все равно не люблю.

Я помог выбрать ей щенка лайки. Смешно и грустно, потому что собаки эти не для квартир. Но не смог отказать. Она взяла серого кобелька, и мило улыбаясь, принялась меня благодарить.

– Спасибо вам большое, правда! Я бы... может, вам еще что-то сыграть?

– Адажио Альбини сможешь? – наверное, стоило вспомнить Моцарта или что у них там в школе учат. Более уместное и простое. Но я хотел услышать как она играет эту вещь. Девочка нахмурилась и поджала губы, вспоминая.

– Извините, правда его не знаю! Но я выучу, честно! Приезжайте к нам на отчетный концерт в конце года!

– Постараюсь, внучка. Постараюсь.

***

След школьного автобуса на грунтовке медленно засыпали первые иглы лиственниц. Еще не яркие, больше желто-зеленые, нежели огненные. Моросил дождь. Я смотрел в холодное свинцовое небо и оно уже не казалось мне таким тяжелым. Хотя... в жизни не подумал бы,

что мою малышку соблазнит этот очкарик Арионов. И девочка ничего не сказала о .. боже, как странно даже мысленно произносить – о бабушке. Значит, Марты, моей Вишенки тоже больше нет?

Я привык думать, что это я «умер» для них. Но не они для меня.

– Андрей Николаевич, все уже заждались, – строго сказала Валентина сзади, а потом, уже обычным тоном, – пойдём, Андрюш, мы уже накрыли стол в клубе, давай праздновать.

Я заставил себя улыбнуться и взял хозяйку под руку. Восстанавливать деревню – неплохое занятие для революционера-неудачника на пенсии.

В моем кармане лежало скомканное письмо от сына моего друга, который незнамо как меня нашел. Я не ждал этого, но он спрашивал совета. Он хотел что-то изменить. Возможно, мог. Но надо ли?

Перед глазами рассыпались в пепел дрова в новомодном камине. Передо мной снова стоял выбор: бороться или просто жить.

Знать бы еще, какой правильный, потому что мне снова было что терять и за кого бояться. И за кого бороться.

01 Вишневая дверь

6 сентября, воскресенье

Кирпичные ступени разной высоты вели к тяжелой деревянной двери. Надо было сильно постараться, чтобы заметить слева потертую вывеску с временем работы. Выше, на одном гвозде болталась кованая надпись «Вишневая дверь». Вензеля и буквы сливались в узел тяжелого металлического кружева и нельзя было понять что это за заведение – магазин, кафе, адвокатская контора или салон красоты.

Правда, никого это не волновало – даже завсегдатаи рынка шли мимо, будто и не было этого места, будто оно закрылось давным-давно.

Но не все.

Минуя вечерние улочки, остановился старый грузовичок: оторванные нижние люверсы, поцарапанный кузов, вмятина на крыле, убитая резина со стертым протектором. Из кабины вышла женщина в строгом деловом костюме – красивом и дорогом, не взявшимся с автомобилем грузчика-работяги. Выглядело наоборот: будто машина превратилась из кареты в тыкву, а дама как была королевной так и осталась.

Раньше она была красавицей, но сейчас пиджак не скрывал полноту, а тугая кичка на затылке только подчеркивала объём на резких скулах и подбородке. Правильные черты лица могла оживить улыбка, но дама предпочитала образ Снежной Королевы. Она взяла из машины картонную коробку, кивнула водителю, и тот уехал. Она остановилась у порога и обреченно посмотрела на вывеску. Там, внутри, был чуждый ей мир, да что там мир – враждебная вселенная. Не то место, где хотелось быть.

Едва она толкнула дверь, как мелодично зазвенела «музыка ветра». Женщина невольно задержала дыхание, но, к ее изумлению, в магазине чувствовался только чистый кондиционированный воздух. Хотя раньше – постоянно зажженные ароматические лампы или палочки-благония, фу! Сейчас все изменилось, и даже входные колокольчики были другими. Вместо старых деревянных полок вдоль стен – свободные открытые стеллажи из металла и стекла. Вместо приглушенного, теплого освещения – лампы дневного света.

«Опять тут все поменял!» – пробормотала гостя едва слышно. В магазине было пусто, и она прошла к кассе и поставила коробку на пол, с раздражением рассматривая стеллажи, заставленные всякой всячиной. На границе слышимости звучали два мужских голоса.

– Герман? – женщина пыталась скрыть нервозность, но последний слог имени вышел непроизвольно громко. «Как истеричка», – обругала она себя.

Из глубины магазина вынырнул мужчина. Он был одного роста со своей гостьей, но выглядел совсем иначе. Крепкий, с пронзительным взглядом из-за очков. На лысине была набита замысловатая татуировка, плавно переходящая по шее на правую руку вплоть до кончиков пальцев. На левой руке, свободной от тату, был металлический браслет с полустертой надписью. Подчеркивала все это безобразие футболка без рукавов и джинсы.

– Хель? – он искренне удивился, – тебе что-то нужно? – он лукаво улыбнулся, будто понимающая нечто, известное только им. Она безразлично скользнула взглядом по стеллажам: банки чая, пакеты с кофейными зернами, причудливые зеркала, мотки ниток, статуэтки слонов, волков и медведей, подвески из кости мамонта, старые потертые книги и новые блокноты для записей, резные шахматы разных размеров и простенькие наборы домино, зонты-трости в элегантнейшей подставке и дешевые резиновые сапоги. Все это было разложено без намека на порядок.

– Опять все поменял? – спросила она. И тут же прикусила губу. Герман хмыкнул – ее всегда бесили постоянные перестановки.

– Кто тебя подвез, дорогая? Может, ты просто поболтать зашла? – с ехидным смешком спросил он, – или тебе вискаса для ротвейлера отсыпать?

– Нет. – Ответ звучал резко и грубо. Мужчина покачал головой.

– Твои любимые слова, а? С юмором у тебя туго.

Собеседница прищурилась. Потом подняла коробку на стол и открыла ее. Герман заглянул и сразу спросил:

– Откуда?

Дама неопределенно дернула плечами. А Герман продолжил:

– Ты ведь терпеть не можешь домашних животных. У тебя даже кактусы засохли!

– Ну вот и спаси животинку! – бросила она, – Тебе же нравится быть героем.

Хозяин магазина не отвечал, внимательно смотрел на лежащего в коробке щенка. Это была сибирская лайка: серо-белый меховой шарик чем-то напоминающий волчонка. От голосов он проснулся, зевнул, внимательно оглядел людей и тихонько тявкнул.

Герман задумался о чем-то, вздохнул и чуть отодвинул коробку.

– Почему я должен тебе помогать, Хель?

Она скривилась, будто съела лимон. Минуту играла в «гляделки» с хозяином магазина – разве что молнии не сверкали. Потом выдохнула и ответила:

– Петя приехал, привез Даню, а девчонка притащила с собой «это». Какой-то сибирский дед подарил после концерта. Чем он думал: зачем девчонке породистая лайка? Воняет, мебель дерет и за кошкой бегают.

– У тебя нет кошки, – мужчина прищурился, – или уже завела, вместо ухажеров?

Дама смерила его презрительным взглядом. Он покачал головой.

– Что ты скажешь своей племяннице?

– Уже сказала. «Убежал твой песик, это же город. Следить надо было». Слушай, —она перекрестила руки на груди, – не учи меня жить. Квартира моя, я и так пустила Даньку на год пожить, пока Петя будет работать. Даже в школу устроила. Договорилась с Зиной, та ее в свой класс взяла. Хотя не сильно-то и хотели: Данька, спасибо ее мамаше, в школу до этого почти не ходила, только экзамены сдавала, и...

Ее прервал звон колокольчиков.

– Извините, – раздалось от двери. Ольга замолчала и уставилась на парня так, что тот стушевался и неловко замер.

Герман вздохнул и вышел из-за прилавка.

– Что-то хотел? – спросил он, а парень аж затрясся от бандитского вида хозяина магазина и его хриплого голоса. Нервно сглотнув, он достал из сумки простой бумажный конверт.

– Это вам просили передать. Извините! До свидания! Извините! – он попятился и выско-чил за дверь.

Минуту висела пауза. Герман крутил в руках конверт, не распечатывая. Гостя подо-ждала, переводя взгляд с собеседника на часы и обратно. Потом не выдержала:

– Черт, Герман! Хватит молчать! Забери псину! Бесит! К тебе пацан какой-то ходит – отдай. Видеть «это» у себя дома не желаю. Да и вообще, я к тебе по-хорошему! А могла просто выкинуть скотину, или заставить тебя ее взять под угрозой аудиторской проверки!

– Хель, я...

– Не зови меня так!

Она повернулась на каблуках, и резко вышла, оставив щенка и сладкий запах духов. Нда... раньше она любила терпкие нотки. Герман с минуту смотрел ей вслед, и по его лицу сложно было что-то прочесть.

– Кость? Заберешь собаку?

Из подсобки вышел парнишка лет четырнадцати, уже вытянувшийся, но нескладный. На нем были джинсы и простая футболка с длинным рукавом. Под ворот спускалась цепочка с подвеской. Он провел рукой по коротко стриженным волосам, хитро прищурился.

– Не, куда мне. Андрею лучше отдай. А что в конверте?

– Лучше тебе не знать. Без обид, парень.

– Да какие тут обиды, ты меня почти спас, – юноша посмотрел на телефон. – Мне пора, Герман.

Он помахал рукой, и почти бегом выскочил из магазина. Герман смотрел, как звенят и затихают колокольчики. В голове запоздало крутилось несколько мыслей: откуда она знала, что к нему кто-то приходит и почему не попросила об этой услуге кого-то еще? Разве что... некого? Вежливостью она никогда не отличалась.

– Прощай, Хель, – сказал он в пустоту и неосознанно дотронулся до браслета на левой руке.

Он закрыл двери на замок, опустил жалюзи, погладил щенка, и, наконец, открыл конверт. На листе бумаги значилось «ДА».

Он ждал ответа, надеялся, но именно сейчас – не верил.

Письмо вместе с конвертом полетело в шредер.

02 Старые книги

7 сентября, понедельник

За окном стучал мяч – ребята из восьмых и девярых играли в баскетбол, вызывая зависть тех, кто еще сидел в школе. Андрей с обидой смотрел на мяч, летящий мимо корзины. Виталик из девятого безбожно фоллил, и ему свистел даже его младший брат. Игру это не спасало.

– Ты закончил?

Добро пожаловать в реальность! Андрей вздохнул и отвернулся от окна: к нему подошла Наталья Павловна, школьный библиотекарь. Он засмотрелся на игру и не заметил ее шагов, Кто, скажите на милость, придумал сделать спортплощадку под окнами библиотеки?

– Нет еще, – Андрей закрыл потрепанный том Белинского.

– Посмотри биографии известных людей, письма – это в том разделе, – она махнула рукой в сторону полка со старыми книгами.

– Спасибо.

Он задвинул чистую тетрадь с двумя строчками (числом и темой) под книгу, и попытался улыбнуться. Наталья Павловна понимающе кивнула в ответ и прошла к стеллажу с журналами. Она явно искала номер со схемой. Андрей прищурился. На ее столе лежало вязаное нечто.

У него же – Белинский, Тургенев и две хрестоматии по литературе разных годов изданий. Скучно до мурашек и уныло. Он сквозь сумку чувствовал шепот планшета: «Возьми меня, Андрюха! Возьми! Скачай сочинение из интернета!»

Однако Наталья Павловна хоть и тыкала спицами в осьминога, иногда поднимала взгляд от вязания и внимательно смотрела на Андрея. Жульничать не получалось, а тема была редкостно унылой: «Чувства, выраженные словами: художественные образы в документальных произведениях и личной переписке писателей». Наверняка все нормальные люди выбирали нечто более осмысленное, даже в гуманитарных классах. А тут сидишь как идиот, не знаешь с чего начать, чем закончить и о чем писать.

Самый смак (хотелось сказать «самая дурь») заключался в том, что сам был виноват. Прогулял первые учебные дни. Там же только повторяют, поэтому делать в школе нечего. Чем он занимался – никого не касалось, благо за мелкие провинности на кьарт никто друг друга не тащил.

Поэтому Андрей всем рассказывал о том, как не вовремя «простудился». Эта печальная история тронула сердце учителям математики, физики и ИЗО. Пришлось пожертвовать физкультурой и отсидеть на скамейке. Шестым уроком стояла литература у классного руководителя Зинаиды Сергеевны Алымовой, или Зинаидища. Вот уж кто пугал больше общественного кьарта!

Прозвенел звонок, однако учительница с великой русской литературой так и не появилась. Пять минут, десять, пятнадцать – класс начал бесноваться в коридоре. Хоменко Настя, будучи старостой, пыталась урезонить пацанов, но безуспешно. Они лишь хмыкнули на призывы миниатюрной светловолосой одноклассницы, достали сокс – вязаный мячик, набитый вишневыми косточками, и принялись играть в коридоре.

Именно в этот момент пришла классная, как будто ждала за углом. Андрей успел лихо схватить сокс руками, сделал шаг назад из круга, и прикинулся, что он случайно поймал мяч.

Она провела их в класс. Устроила переключку, проверила домашку и задала новую: на больше времени не оставалось. К всеобщему облегчению, Зинаидище не оставила их после звонка. Бывало, ученики не успевали пройти запланированный материал, и она устраивала внеплановый «классный час» после уроков.

Сейчас она просто написала номер параграфа из учебника, который надо было прочесть, и «обрадовала» всех, что устроит на следующем уроке обсуждение литературы, рекомендованной к прочтению летом.

Когда ребята начали вставать, она устало сказала:

– Страгин, останься, – Андрей печально вздохнул, кашлянул и подошел к учительскому столу. Мимо с сочувствующими взглядами выходили одноклассники.

– Извините, Зинаида Сергеевна, я приболел, – он всеми силами изображал головную боль и слабость, – до сих пор выздоравливаю.

– Документ, – она постучала указательным пальцем по столу.

– Завтра принесу.

– Не надо нести, Страгин, – она устало вздохнула, – Тебе же не семь лет и мы не в прошлом веке. Пусть родители напишут в электронной системе.

– У нас интернет, – Андрей замялся, – не работает сейчас. Перед нами перебили оптоволоконно. Сказали, только через неделю наладят. А у отца на заводе нет доступа во внешние сети.

Врал он вдохновенно, надеясь, что прокатит. Потому что если отец узнает, то его ждет не просто волшебный пендаль. Нет, Андрей серьезно влипнет, настолько серьезно, что ... Он ждал, что же скажет классная. Зинаида Сергеевна внимательно смотрела на него, наконец, покачала головой:

– Ладно, начало учебного года. Но ты пропустил творческое задание, которое я задала на первом уроке. Его надо было сдать сегодня.

Она покопалась в методичках и протянула распечатку с темой. А говорила, не прошлый век! Андрей мысленно усмехнулся. Их школа – единственная в районе с таким количеством бумаги и книг. И учителей.

– Хорошо, – кивнул он, радостный, что обошелся без привлечения родителей, – Ее куда загрузить... – тут учительница его перебила:

– Но вот беда, у тебя нет интернета, а в школе тоже сегодня сеть не работает. Завуч сказал, профилактические работы. Тебе придется отправиться в школьную библиотеку и написать от руки. Я буду вести уроки в 12 кабинете, это напротив библиотеки. Если вопросы будут – обращайся. Можешь сразу сдать сочинение, как закончишь.

– Хорошо, – только и сказал он. В голове играла дурацкая перепевка известной песенки:
«Капитан, капитан, доигрался...

Довыпендривался наш капитан!»

—И не забудь, вы уже в восьмом классе, так что минимум три страницы! – услышал он в спину.

***

Так Андрей оказался отконвоирован в библиотеку. Еще классная благодушно вручила леденцы от кашля и попросила Наталью Павловну за ним присматривать. Библиотекарь и присматривала – в своей манере.

Поставив книги на место, Андрей прошел дальше, взглядыываясь в названия на корешках. *«Так прекрасна и мимолетна... Как сакура, например»* – интересно, что это? Книга была толстой, изрядно пострадавшей от времени: уголки потрепались, обложка поблекла. Подзаголовок гласил, что здесь приведены выдержки из документальной прозы и писем известных людей XX века. Автором был некто М.С. Инка...ев, обладатель затертой фамилии на корешке. Андрей аккуратно смахнул пыль и открыл том. Содержание явно не соответствовало заявленному – бредятина одним словом. Поставив книгу на место, он мысленно обругал шестиклассников, проходивших летнюю практику в библиотеке. Они наверняка перепутали порванные обложки, когда чинили старые книги.

Он на минуту задумался, вернулся и все же взял книгу, а потом вдохновенно принялся строчить:

«Сейчас редко встретишь человека, который отправлял бы письма почтой. Мы привыкли перекидываться короткими сообщениями в сети не выключать телефон. Однако совсем недавно все было иначе: стоит только открыть библиотечную книгу, как можно прочесть: «Я буду помнить твои волосы, яркие, как заходящее солнце» – так написал М.К. Синклев, очевидно, в письме своей девушке. Посмотрите, какой прекрасный образ! Он сравнивает ее волосы с угасающим светом. Очевидно, он имел в виду... – что, кстати, он имел в виду? Солнце заходит, что в нем яркого? Андрей задумался, но потом продолжил строчить:

...тонкую аллюзию на огонь и солнце, которые яркие, как и любовь.

Или вот, например «Пусть пёс и предан тебе всей своей собачьей жизнью, но он не различает цветов радуги». Тут суть ясна – собачья верность проста и незатейлива, и собаке незачем...»

«Когда есть идея, пусть даже бредовая – написать сочинение просто», – подумал он, отдавая удивленной классной тетрадь спустя час. Угрызения совести его не мучили: он выполнил задание, и не его вина в том, что кто-то напортачил с обложкой.

03 Пугать голубей

Вадим нервно дергал молнию на сумке. Первое занятие после каникул пугало: Дмитрий Петрович проводил его в концертном зале, собирал всех своих учеников с одного класса, и по очереди вызывал к инструменту. И говорил что-то вроде: «Покажите, чего вы добились за лето». Звучало это как: «Давайте, облажайтесь перед всеми».

Когда они, только поступив в музыкалку, пришли на первое занятие у Дмитрия Петровича Верещагина, он точно так же провел их в зал, сел за фортепиано и сыграл сам. А потом повернулся к оторопевшим детям и сказал: «Попробуйте повторить». Кажется, играл он какой-то из этюдов Шопена. Увидев, что ученики испугались, он мягче добавил: «вы можете сыграть другое. Например, что вы играли на экзамене?»

И просто наблюдал, как они нервничали и по очереди тупили, садясь за инструмент. Он ничего резкого не говорил, лишь внимательно смотрел, как они паниковали.

Он считался лучшим учителем, его студенты сдавали на «отлично», участвовали в конкурсах. На занятиях он бесконечно спокойно объяснял, повторял, показывал... Но в самом начале года он отводил душу – по-другому не скажешь – на своих учениках. Будто наслаждался напуганными детишками или авансом раздавал весь негатив, который мог бы раздать на занятиях. Будто говорил: вот он я, добренький, но я могу и драконом быть, не доводите до огня! Отчетный концерт пугал меньше сентябрьского прослушивания у Верещагина, потому что в отчетном концерте был смысл, а это занятие было просто ежегодным террором.

Вадим огляделся: нервничали все. Стас ткнул его в бок и прошептал:
– Знал бы, что будет такая фигня, никогда бы не спорил с Симкой.

Симка, его сестра училась в музыкальной школе на класс старше, но на аккордеоне. Как-то она взяла безалаберного брата «на слабо», сказав, что он слишком легкомысленный, чтоб научиться играть на музыкальном инструменте. Звучало это так: «В музыкалку таких тупых, как ты, не берут». Стас в долгу не остался: «Кто, тупой, я? Да это ты – дура с баяном!» В итоге, Симка, устав от спора – а орали они в школе, и Вадим прекрасно это помнил, – бросила, желая поставить точку: «Да тебе просто слабо!»

Стас, как настоящий пацан, пошел и поступил. Правда, на фортепиано, сказав, что не выдержит играть на одном инструменте с сестрой. И выцыганил у родителей новое электронное пианино. Мама Вадима, услышав это, привезла от бабушки антиквариат, старый деревянный инструмент, и тоже отправила сына в музыкалку, буквально пинками. «Мы что, хуже всех, что ли?» В итоге он, Стас и Ванька поступили позже всех и сейчас были самыми старшими учениками четвертого класса фортепиано.

Они напряженно ждали, как же учитель будет их вызывать: по списку или нет?
Дмитрий Петрович отложил журнал в сторону и подошёл к фортепиано.

Все дружно втянули воздух: вызывать будут вразнобой. Как повезет. Или не повезет. Ученики бормотали про себя «Только не я!» как молитву и перебирали в руках всякую мелочь на манер четок. Верещагин оценил состояние класса, и только было собрался назвать первую фамилию, как скрипнула дверь, разрушив драматичное ожидание провала.

– Извините.

В класс зашла невысокая девушка с длинными распущенными волосами. Вадим с удивлением уставился на нее: на незнакомке была форма его школы, но прежде он ее не видел. Ее пронзительные светлые глаза холодно смотрели сквозь класс. Ребята отвечали ей тем же: пока

она шла, каждый смог рассмотреть ее лицо с правильными чертами, но усыпанное мелкими серыми точками. Болезнь? Аллергия?

Она протянула Дмитрию Петровичу бумажку, и еще раз извинилась, что опоздала. В лице учителя что-то изменилось.

– Так ты новенькая, да? Арионова Даня?

Класс хмыкнул. Девушка нахмурилась.

– Меня зовут ДанА.

– Хорошо, Дана, можешь положить вещи на любое свободное место. Меня зовут Дмитрий Петрович. Сегодня у нас прослушивание для начала занятий, чтобы понять, кто как продвинулся (или не продвинулся) за лето. Это не на оценку, я просто смотрю на прогресс.

Девушка положила сумку на одно из мест первого ряда, и остальные ученики удивленно переглянулись: никто там не садился, предпочитая середину и галерку. Первый ряд был подернут флером неприкосновенности: на экзаменах его занимали учителя. Все остальное время учителя тоже там сидели, но только в сознании детей. Стулья всегда оставались пустыми. Но она небрежно бросила свои вещи, не замечая призраков преподавательского состава. Сидела прямо, не оборачиваясь, и Вадим не мог толком ее разглядеть. Что с ней не так? Она больна? Тут же стрельнула нотка жалости: только зашла в класс, а тут музыкальный террор.

– Что ж, – учитель присел и скрестил пальцы. – Сегодня начнем с вас, что бы мы могли понять ваш уровень, Арионова.

Ребята дружно выдохнули: вызвали не их. Стас толкнул Вадима в бок и прошептал: «Жаль чумную, не повезло девочке»

Она не сразу встала, как будто уже успела глубоко задуматься. Сняла форменный пиджак и зачем-то закатала рукава. Немного растерянно подошла к пианино и спросила:

– А что мне сыграть?

Наверное, она подумала, что есть условия, как на конкурсах.

– Да что хочешь, это не на оценку, я смотрю уровень игры после лета, – якобы ободряюще улыбнулся учитель. От его «доброй» интонации у Вадима по спине мурашки побежали. В его сторону часто звучали эти сочувствующие нотки.

– Я не так хорошо играю на пианино, как... ну да ладно, – Она покачала головой и села за инструмент. Взяла пару нот, пробуя звук, потом прикрыла глаза и начала играть. Вадим еще не слышал этой вещи. Грустная и красивая, сложная и яркая. Он никогда не думал, что можно так играть на истерично-пугающем сентябрьском прослушивании. Ребята, шептавшиеся из-за пятен на ее лице, умолкли, и смотрели, как она, прикрыв глаза, быстро нажимает на черно-белые клавиши. Пианино пело. Казалось, инструмент радуется, что хоть кто-то не испугался играть. Девушка закончила, встала, и перешептывание пошло с новой силой.

Дмитрий Петрович выглядел удивленным.

– Ноктюрн Шопена. Весьма серьезно и символично, если вспомнить откуда вы приехали. Приятно будет с вами поработать. Следующий: Морковин.

Вадим мигом напрягся. Удивление и восторг перед бесстрашным исполнением чумной испарились. На деревянных ногах он подошел к пианино. Почему-то, кроме заученной в прошлом году «Грустной песенки», он ничего не помнил. Он учил летом разное, но в сознании металась обрывки нот, будто ключом по голове ударили. Разводным ключом, не скрипичным.

Он сел за инструмент, руки дрожали, звук выходил рваным. Черт! Сколько времени просидел, разучивая несчастную пьесу, что мог играть ее хоть посреди ночи. Но сейчас собраться не получалось. Темп и ритм ушли далеко от кабинета. Вадим с трудом доиграл и замер. Стыдно так опозориться, тем более после девчонки. Верещагин покачал головой:

– Знаете, Морковин, у вас получилась действительно грустная песенка. Гречанинов бы расплакался. Хорошо, что вы не пробовали сыграть Шопена.

Девушка потемнела лицом и наклонила голову, чтобы скрыть чувства.

– Извините, – тихо сказала она. – Я, наверно ошиблась дверью. Мне директор сказал, что здесь должен быть четвертый класс. Но я, наверно, перепутала с первым, да?

Тишина висела долго.

Верещагин вернулся к столу, перелистал бумажки, улыбнулся

– Знаете, Дана (он опять сказал окончание нарочито мягко, и она нахмурилась), к сожалению, вы не ошиблись. Хотя ... завтра у меня будет занятие для первого класса. Думаю, вас туда позвать – для показательного выступления. И Морковина возьмем, глядишь, он раскроет детям секрет, – учитель подмигнул.

– Какой? – зачарованно спросила Дана, больше по инерции, нежели действительно желая знать.

– Как ему удастся играть хуже с каждым занятием. – Верещагин сказал это серьезно, даже чуть трагично, как будто это и правда был большой секрет. Новенькая не выдержал и улыбнулась.

Стас фыркнул в кулак. Верещагин медленно встал и направился к ним:

– Знаете, Ветров...

Его прервал стук в дверь. Импозантный пожилой мужчина заглянул в зал.

– Дмитрий Петрович, Арионова у вас на занятии? Можно ее? На счет второго инструмента.

Верещагин посмотрел на новенькую, потом на директора и кивнул, разрешая уйти. Она мигом собрала вещи, пробормотала еще раз «Извините» и убежала.

Верещагин повернулся к Вадиму:

– Все-таки, Морковин, я был неправ, но не стал говорить при девушке. Вам не надо приходить завтра, —Вадим ошеломленно смотрел на учителя, а тот продолжил.– Лучше зайдите в среду, ко мне придут ребята из подготовительного. Я думаю, вам с ними будет комфортнее.

Верещагин подошел совсем близко и последние слова договаривал шепотом. Вадим хотел провалиться сквозь землю, но этому мешал пол, фундамент и физика, которую он тоже не любил. Пауза затягивалась, и нервничали уже все. Наконец Дмитрий Петрович покачал головой:

– Или постараетесь в этом году?

***

Прозвенел звонок на перемену, но около школы было на удивление тихо: во вторую смену училось мало классов.

Дана купила любимый вафельный рожок, и присела на лавочку, ожидая автобус. В этом городке они ходили редко. Но сравнивать Иркутск и этот маленький райцентр было глупо. Тут даже кьярта всего два – общественный и судебный.

Остановка автобусов была прямо напротив школы, и Дана рассматривала причудливый фасад с интересом и затаенным страхом. Ольга когда-то училась здесь же и прожужжала уши про замечательную, великолепную, совершенную, прекрасную школу, которую она по привычке называла «лицеем», хотя ее переименовали много лет назад.

«Но, – подумала Дана, – сюда странное звание «лицей» подходит больше, чем какой-то номер, пусть даже первый»

Серо-белое здание состояло из двух частей: старое, левое крыло было двухэтажным, с окнами в два человеческих роста, лепниной, высокой крышей с башенками на краях. Когда в школу начали ходить не только благородные сословия, к старому зданию пристроили правое крыло с претензией на тот же стиль в архитектуре, но в три этажа. Через перекресток располагалось еще один корпус школы – там были разные мастерские, музыкальный кабинет, кабинет изобразительных искусств и комнаты разных школьных кружков.

«Красивая школа».

Как сильно отличалось эти старые здания от привычных типовых коробок, где Дана сдавала экзамены до этого! Первый раз за долгое время она подумала, что может, не так уж и плохо будет – в школу ходить. Один только «дворцовый» вид школы поднимал ей настроение.

Впрочем, в этом городке почти все дома в центре были старыми и невысокими: гимназия, за ней дальше по улице светлое здание полиции и дальше, через небольшое перекресток здание музыкальной школы, из-за которой, собственно ей и приходилось ждать автобуса намного позже, чем те рейсы, на которых обычно уезжали школьники после занятий.

Можно было пойти домой пешком. Только Дана сомневалась, что правильно запомнила дорогу: тетя отвезла ее на машине и показала где остановка автобусов. Кроме того, рядом с ней лежала тяжеленная сумка с учебниками, которые ей выдали в библиотеке. Солидная школа не одобряла электронные версии. Только бумага, только хардкор! Забавно, но в Иркутске было только пара таких школ, которые держали марку элитарности и консерватизма. Ну и в Академии, говорят, по бумаге учились. Так-то везде экраны стояли.

Она посмотрела на часы, кусая губы: до автобуса еще минут пять... Девушка хотела как можно скорее закинуть сумку с книгами в квартиру и пройтись по району в поисках Еньки. Не мог же он просто потеряться? Ее мысли скользнули в замкнутый круг воспоминаний, из которого не было выхода.

...она уговаривала отца, не хотела жить в этом захолустье. Она хотела остаться в Сибири, в городе, к которому привыкла, в городе, где был ее любимый учитель музыки, в городе, где дома стоял настоящий рояль, и не только рояль... Она уже большая! Мог бы и одну ее оставить! Тем более это всего-то на полгода, максимум на год.

Дана и так почти все время справлялась сама, пока отец пропадал на работе: убиралась и готовила, следила за тем, чтобы вовремя платить коммунальные платежи по интернету. В обычную школу она не ходила: во втором классе мама перевела ее на семейное обучение, и ей требовалось только сдавать экзамены раз в четверть. Она отлично справлялась.

Но папа был против. Где же это видано, одной оставаться в большом городе?

Она была готова даже напрячься и снова сдать класс экстерном, а на то время, пока отец будет работать, пригласить работника из органов опеки, чтоб приходил и проверял, все ли хорошо в квартире. Но отец был непреклонен: они едут вместе и точка. Поживет у тети недалеко от областного центра. А где экзамены сдавать – разницы нет. Музыкальная школа там есть, так что она может продолжать учиться. Он даже разрешил взять с собой Еньку, щенка лайки, подаренного ей после последнего отчетного концерта. И купил электронное пианино – чтоб у нее всегда был инструмент.

Уже здесь выяснилось, что тетя Оля не прочь пустить племянницу к себе, но лишь с тем условием, что та будет ходить в школу «как нормальные дети». Ее не смущало, что Дана сдала два класса экстерном. Не заботило, что племянница младше будущих одноклассников почти на два года. Одна из причин обучения дома – ее внешность – Ольгу волновала еще меньше. Оказалось, в порыве доброты, тетя уже договорилась с подругой-учительницей принять Дану в класс. Пристроила «бедную сиротку»! Отец расчувствовался и не смог отказать, тем более, он тоже считал, что в восьмом классе дети умные и никто дразнить не будет.

Получив согласие и благодарности, тетя купалась в лучах славы и любви к себе, пока не увидела Еню. Это было вчера утром, когда отец привез ее со всеми вещами и музыкальными инструментами. Пока заносили вещи, щенок пропал. Дана до темноты ждала и звала его во дворе, а потом редела в подушку. Наверно, случайно, когда открывалась дверь он выскользнул и заблудился в незнакомом городе. Она мысленно раз за разом прокручивала в голове вечер, пытаясь понять, когда же Енька убежал.

... когда учитель попросил ее сыграть, сразу пришел на ум ноктюрн Шопена. Грустная и красивая вещь. Она играла ее на концерте, после которого подарили Еньку. Она вспоминала музыку, а музыка напоминала о доме и друге.

Ей было немного неудобно перед классом и перед неудачливым исполнителем Гречанинова. Парень – «грустная песенка» занервничал, стушевался и наверняка в обычной обстановке мог бы неплохо сыграть. Ей не следовало отвечать учителю, но повелась и вышло ой как неудобно. Верещагин напомнил ей Рината, который был крутым пианистом и братом Аллы, хозяйки музыкальной студии. Он любил иногда заходить к «детшкам» и проявлять свое, очень похожее чувство юмора. «Веселый будет год» – подумала она.

Автобус вот-вот должен был подъехать.

Стайка голубей бросила ковыряние в окрестностях мусорки. Птицы одна за другой шлепали в сторону. Из-за столба выглянул высокий светловолосый парень и прижал палец к губам. В другой руке он держал кусок раскрошенного батона, а сам напоминал заправского заговорщика. Дана кивнула ему, и он, удовлетворенный, снова спрятался. С другой стороны остановки подошли трое ребят. Среди них был и «грустная песенка». Дана хотелось извиниться, но парни не заметили девочку и начали обсуждать одноклассника.

Неудачливый исполнитель упорно тыкал вызов на экране.

– Не отвечает. Что значит его сообщение «Я вас уже давно жду!», а?

Один из приятелей хмыкнул:

– Зная Андрюху, скорее всего, он сидит на крыше, смотрит на нас сверху вниз и ржет, что мы не можем его найти.

Все трое одновременно обернулись.

– Не, он же не дурак – залезть на крышу остановки прямо напротив школы, – пробормотал третий.

– Да? Страгин – может. Он и на крышу школы может залезть, помните?

Парни дружно посмотрели прямо и вверх, на крышу школы. Но там было пусто.

– Автобус идет. Едем или ждем?

Дана поднялась со скамейки. Парни тоже решили ехать. Автобус был полупустым, и, сквозь стекло дверей и окон, было видно, что выходить никто не собирается. Двери медленно открылись. А парень с батонком резко спугнул голубей. Истерическое мельтешение серых крыльев вспорол воздух. Птички нервно металась между автобусом и остановкой. «Забавно», – улыбнулась Дана, наблюдая за опешившими ребятами, которые забыли обо всем. Автобус постоял полминуты, закрыл двери, и поехал дальше.

Когда птицы успокоились, стал виден виновник суматохи.

Первым пришел в себя Стас:

– Страгин, придурок, – он толкнул приятеля в плечо, – из-за тебя теперь пешком тащиться. Нафига?

– Скучно было, – хмыкнул тот в ответ и поправил ремень сумки, – пройдешься ножками, не обломишься. Сейчас, подожди. – И тут же повернулся к Дана:

– Давай с нами? Ты ведь из-за меня тоже на автобус опоздала.

Дана забыла про автобус, как и все, удивленная шуткой. Но тут же нахмурилась, вспомнив потерявшегося Еньку и тяжелую сумку с книгами. Домой ей надо было попасть побыстрее. Парень продолжил:

– Тебя как зовут? Я Андрей, мы с этими оболтусами в 8 «Б» учимся.

– Эй, за себя говори, – возмутился Стас, – сам ты оболтус!

– Я тоже в 8 «Б», – Дана вспомнила класс, в котором она должна учиться. И принялась рассматривать одноклассников. Страгин – высокий, с короткими вьющимся волосами и

правильными чертами лица. Он излучал азарт и драйв. Вадим «Грустная песенка» был ниже, темноволос и ему не хватало очков для образа замученного ботаника. Ста, тоже высокий, отличался безумной прической. Четвертый парень запомнился ей с музыкалки: ему не хватало надписи на лбу «я люблю пианино». Среднего роста, флегматичный, с «музыкальными» руками, аккуратно причесанный – хоть сейчас на концерт его, только смокинга не хватало.

Пацаны уставились на нее в ответ. Дана знала, что парни видели: невысокая, худенькая девчонка с пятнами на лице. Первым опомнился Страгин:

– Да ну, ты мелкая для восьмого.

«Зато ты каланча», – подумала она и решила отвязаться от парней. Ну, хоть веснушки не вспомнили. Страгина молчание не смутило.

– А, фиг с ним. Ты где живешь?

– Около «Веги», – так назывался торговый центр рядом с рынком. Это было три или четыре остановки от школы. Дана грустно уселась обратно. Если б не эти голуби, она уже оставила бы книги и ушла искать Еньку.

– Далековато, – присвистнул Страгин, – давай я сумку твою возьму.

И, под абсолютно осоловевшие взгляды друзей, закинул тяжелую сумку с книгами на плечо и двинул вперед.

– Нет, а что такого? – уставился он на компанию, – до следующего автобуса еще минут двадцать.

Все выдохнули и двинулись за ним.

Они миновали школу и шли по прямой улице. Как-то получилось, что Стас и другой парень, который представился Ваней, шагали впереди, а Морковин, Страгин и она – позади. Морковин посматривал на нее так, будто готов был придушить. Стас и Ваня разговаривали больше друг с другом, обсуждая виртуальную игру и комбо.

Дана чувствовала себя среди парней отвратительно мелкой. Страгин вообще до неудобства высокий. Чтоб говорить с ним, надо было задирать голову. «Все они старше на год или два», – напомнила себе девочка. Обычно ее не заботила разница в возрасте; в музыкальной студии у Аллы Николаевны было много разных учеников. И Дана не стеснялась иногда спрашивать Димыча или Алену, а они учились в универе и музыкой занимались так, для себя. Даже иногда нахально отвечала Ринату, когда тот решал потренировать ее. Но сейчас, среди почти ровесников она оробела.

– Слушай, – Стас не выдержал и обернулся, – а что у тебя с лицом?

«Мог бы ты этого не спрашивать?» – обреченно подумала Дана. Все испортил. Сразу же захотелось спрятаться в темный угол, чтоб не нашли. Она вздохнула и ответила:

– Веснушки.

– Это заразно? – не унимался он. Четверо парней придержали шаг и всмотрелись в ее лицо. Дане хотелось провалиться сквозь землю. Опять. Мама рассказывала, что раньше много людей было с веснушками, а сейчас почему-то это редкость, как и разной яркости глаза. Объяснять все это не хотелось (потому что все равно никто не верил), и она уже была готова сказать дежурную гадость, что заразно – отсутствие мозгов, но не успела.

– Неа, – опередил ее Страгин, – не заразные. Я что-то помню, это типа аллергии на Солнце, да? Только у тебя их много! – Он тоже подозрительно на нее посмотрел.

– Да, типа аллергии на Солнце. Или типа аллергии на идиотов, – резко добавила Дана.

Страгин поднял руки, мол сдаюсь-сдаюсь.

– Андрюха, ты б аккуратнее... Она суровая, – хмыкнул Стас, – знаешь, как Вадима в музыкалке опустили?

Дана и Морковин одновременно потемнели лицом.

– Заткнись, – шикнул на него Морковин.

– Подготовительный класс! – пропели два его друга и заржали. Непонимающему Страгину тут же поведали комичную, с их точки зрения, историю на «истеричном прослушивании» и тот тоже отпустил пару беззлобных шуток, пока Вадим не толкнул его в плечо.

Дана теперь понимала неприязненный взгляд Морковина: оказывается, преподаватель еще и после прошелся по исполнению несчастного парня.

Они подошли к перекрестку и остановились: Стасу и Ване надо было сворачивать. Дальше они двинулись втроем. Тут Страгин взялся за нее всерьез. Выглядел разговор сущим допросом (или словесной перестрелкой), а Морковин – случайным мирным жителем. Так что он умолк и не прерывал, не в силах повлиять на гиперактивного друга. И чем дальше, тем больше Дана думала: «Как они вообще дружат?»

Началось все невинно: они прошли немного молча (всего-то шага два), и Страгин спросил, откуда она приехала. «Иркутск» – коротко сказала она.

– Круто! – заявил он, – на Байкале была?

Дана кивнула. Следующий вопрос поставил ее в тупик:

– А каким рейсом лучше лететь? – Девочка не успела ответить, как он продолжил, – нет, это не важно. Лучше скажи, как дешевле доехать? Может, у тебя есть какие-то знакомые, у кого можно переночевать? Там же летом много туристов? Ты сюда на поезде ехала или на самолете?

И чем больше вопросов он задавал, тем мрачнее становился Морковин и тем короче отвечала Дана. Задав еще тысячу вопросов, вспомнив даже Камчатку, где она никак не могла быть, он вздохнул, ни к кому не обращаясь:

– Блин, почему у меня еще нет взрослого ID?

– У тебя еще нет паспорта? – удивилась Дана. Это был ее первый вопрос. Андрей был самым высоким из компании и выглядел старше всех. Метр семьдесят, наверное, а то и выше.

– Нет, мне еще тринадцать! Только детская карта, – возмутился он, – это вот Вадим у нас Личность – у него первого сентября ДР и он уже полноправный гражданин. Мне до октября ждать, но как положено, раньше мая не выдадут.

– Ты у нас самый полноправный, – Морковин впервые вступил в разговор.

Его голос звучал странно, и Дана не поняла, завидует ли он или осуждает друга? Андрей отмахнулся:

– Забей, это дурацкие принципы.

Слова звучали отголоском постоянного спора, какие бывают между закадычными друзьями.

– Слушай, – спросил Страгин, поправляя ремень сумки, – что там? Кирпичи?

– Нет, – покачала головой Дана, – я сегодня учебники получила. Все сразу. В вашей школе почему-то очень много бумажных книг выдают. Но ты мог это спросить до того, как схватил сумку. И вообще, если тебе тяжело, то я сама донесу!

– Эй, – он снова поднял руку в смешном жесте «сдаюсь-сдаюсь», – осади, хватит голубей пугать. Это все директора блажь. Мы даже в тетрадочках пишем, это что-то там развивает! Ты в библиотеке-то была?

Тут они подошли к перекрестку перед «Вегой». Дана остановилась. Она устала, и ей хотелось пройтись одной. Страгин был слишком шумный. Не злой, не вредный, и, может, даже интересный. Но ей хотелось тишины.

– Я тут сама дойду.

– Давай проводим? – Он переводил взгляд с нее (а она даже до плеча ему не доставала) на тяжелую сумку. Но она услышала, как Морковин пробормотал «нафига». Страгин этого не услышал.

– И вообще, ты такая грустная, как будто котенка потеряла.

Перед глазами сразу встал Енька. Она сдержалась, чтоб не зареветь, и так спокойно, как могла выпалила:

– Какого котенка? Отдай вещи! – она дернула ремень с его плеча, и не удержала, уронила сумку на асфальт. Ткань не выдержала удара, молния разошлась и пара книг вывалились вместе с пеналом, из которого посыпались ручки и карандаши. Дана кинулась их собирать. Страгин наклонился и поднял учебник физики, отряхнул книгу и протянул ей:

– Может, все-таки проводить? А то ведь не донесешь

Девочка кое-как запихнула учебники в сумку и мотнула головой, скрывая слезы. Как же ее достал этот город!

– Иди к черту! – не выдержала она и быстро, как могла, пошла прочь. Она хотела бы побежать, но приходилась придерживать тяжелую сумку, и это было обиднее всего. По щекам текли слезы, и казалось, что пацаны смеются за спиной.

Страгин действительно наблюдал за ней.

– И правда, суровая, – тихо сказал он, ни к кому не обращаясь. Ее хамство причины не имело, по крайней мере, он не знал. И все же... Эта девчонка напоминала ему смешную маленькую собачку, которую так и хотелось дразнить. «Надо было еще спросить, – запоздало подумал он, – принимают ли на Байкале наличку»

– Пойдем? – Оборвал его мысли Вадим. Его раздражал задумчивый взгляд друга.

Никто из них не увидел, как спустя четверть часа Дана вернулась на то же место, но уже в джинсах, кедах и футболке, и отправилась в сторону рынка – спрашивать, не заметил ли кто ее «котенка».

Никто из них не знал, как этот день изменит их жизни.

04 Сибирские имена

Вадим шел за другом по небольшому рынку. Торговый центр «Вега» остался позади, и они проходили мимо фруктовых рядов. «Хотите виноград?» – слышалось справа. Другой продавец эхом вторил: «Дешевые арбузы!»

«Идите нафиг», – думал Вадим. Он не мог успокоиться из-за череды неудач: опозорился на прослушивании, опоздал на автобус, встретил чумную одноклассницу. Новенькая давно ушла, но выкинуть ее из головы было непросто. Из-за нее влетело от Верещагина. С такими дефектами училась бы дома!

Наверняка, кроме лица, еще и на голову большая: взяла и просто так на них наорала. А больше всего бесил шумный одноклассник, который по нелепой случайности был его другом. Страгин с увлечением рассказывал коварный план, как выспросить у этой чумной подробности и детали дороги, проживания и всего остального, что она только могла знать о Байкале.

Вадим не выдержал и прервал победный монолог друга:

– А в сети нельзя было это поискать? Что тебе умного скажет маленькая девочка? Видел же, на голову странная.

– Вадик, ты что в сети найдешь? Цены, отзывы, фоточки. Это скучно. Понимаешь?

Морковин поправил ляжку от рюкзака на плеча и расстегнул пиджак – было жарко.

– Нет, не понимаю. Твое «скучно» не поймешь. Зачем тебе куда-то ехать после девятого? В смысле, конечно, это не запрещено, но зачем?

Андрей уставился на приятеля с таким удивленно-возмущенным выражением лица, что Вадим поневоле сменил тему:

– Ты где неделю пропадал? Или это опять секрет и тайна, как и наличка у тебя в карманах?

– В точку! – хохотнул Андрей.

– Зачем тебе? У тебя на карту даже стипендия повышенная падет.

Что заставляло Вадима жмуриться от едкого сочетания зависти и стыда. Зависти – потому вечный раздолбай и халявщик Андрюха «Дрон» Страгин учился намного, намного лучше него самого. А стыдно от того, что завидовал лучшему другу.

– Ты же знаешь, я обещал стипендию на свои «нескучные» идеи не тратить, – Андрей откинул со лба челку, – да и что там, той стипендии... О, мы пришли, кстати.

Они оказались около неприметного магазинчика – Вадим ходил здесь с десятков раз, но не обращал внимания на серую дверь. Сейчас она была открыта нараспашку и подперта куском кирпича, чтоб не закрывалась, а с порога хмуро смотрел на школьников мужчина средних лет.

– Что это за место? – шепотом спросил Морковин.

– Вишневая дверь, – будничным тоном ответил Андрей.

От вида хозяина магазина Вадим попятился. Жаргонное словечко «хардкорный» описывало мужчину идеально. Среднего роста, но с рельефными мышцами; руки забиты татуировками, шея тоже. И, судя по узору, который уходил под воротник, должно быть, и грудь. Одет в темные рабочие штаны и безрукавку. Еще он был лысым, но это парень заметил не сразу: лысина тоже была покрыта замысловатым узором. И только узкие прямоугольные очки в тонкой металлической оправе выбивались из образа. Взгляд у него был, как будто он сошел с экрана старой компьютерной игры и сейчас достанет автомат и пристрелит пацанов.

– Привет, Герман! – Андрей запрыгнул на порог и протянул мужику руку.

– Ты опоздал, – он нахмурился и уставился на Вадима, – это еще кто?

– Друг, мы ж говорили, – Андрюха улыбнулся, будто продолжал давно начатый разговор, неизвестный Вадиму.

– Наглые вы пацаны, – вздохнул Герман и зашел внутрь, приглашая следовать за ним.

Андрюха совершенно спокойно шагнул вперед, как человек, который часто бывал в этом месте. Приятель наметанным шагом направился за Германом к прилавку, а Вадим так и застыл в дверях, рассматривая... магазин? Повернув голову, он нечаянно задел «музыку ветра» и вздрогнул от неожиданности от перезвона трубочек и колокольчиков. Андрей обернулся и махнул ему рукой: мол, проходи, нечего в дверях стоять. Вадим осторожно сел на диванчик у окна. Рядом стоял журнальный столик с кучей каких-то буклетов, внизу, под крышкой столика стоял набор чашек и коробки с чаем. Необычно для магазина. Хотя много ли тут было обычного? Длинные металлические стеллажи от пола и до потолка были уставлены всякой всячиной: книги, карты, шахматы, коробки с чаем и банки кофе, чайники, зонты, подносы, птичьи перья, какие-то меховые шапки, ручки и карандаши, блокноты для записей, простые свистульки и связки причудливых акарин... Он не удержался, взял одну и подул: звук был чистый и красивый.

Андрей с Германом снова обернулись и понимающе переглянулись. Вадим тут же ступил и положил керамическое изделие обратно

– Вадим, да? – Герман смерил его взглядом, – Андрей говорит, хочешь себе электронное пианино.

Черт, Андрюха! Зачем он рассказал?

– Ну да, – пробормотал Вадим, опустив голову. Хотел. Играл на старой развалюхе, и честно думал, что если бы у него было новое cassio, то он бы играл не хуже чумной новенькой.

– Неплохо и более осязаемо, чем то, что хочет твой дружок. Итак, мне нужны лишние руки. Погрузка-разгрузка у меня в магазине и в паре лавок на рынке, все это с четырех до шести по вторникам, четвергам и субботам. Отдаю наличкой каждую неделю. Вопросы есть?

– Во вторник у меня сольфеджио, а в четверг специальность в музыкалке, – На автомате ответил Вадим и только потом понял, о чем речь, – Простите, что?

Герман уставился на него.

– Я думал, ты, как и этот оболтус, хочешь поработать.

– Нет, я... – Вадим замялся и принялся лихорадочно соображать. Страгин работает? Или это какая-то его шутка, проверить, согласится он нарушить правила или нет? В любом случае это не по правилам, школьникам нельзя... Он думал, Страгин просто копит «подарочные» деньги... Он поймал суровый взгляд хозяина магазина, слотнул, и ответил:

– Мы просто шли мимо.

– Тогда забудь, – лицо Германа было непроницаемым. Подождав немного, он ушел и принес из подсобки картонную коробку.

– Андрей, заберешь?

Вадим неосознанно потянулся за другом и заглянул в коробку: там спал щенок лайки. Кольнула обида: мать была категорически против любых питомцев в доме. Да и не поощрялось это, считалось излишеством. Страгин наоборот, заинтересовался.

– Епт! Откуда у тебя собака?

– На помойке подобрал, – хмуро ответил Герман.

Андрей подозрительно уставился на мужчину.

– Ты не ходишь на помойку. У тебя мусор машина вывозит, как и у всех на рынке. Ты даже на почту не ходишь – у тебя автоматический ящик.

– Значит, мне подкинули. Но если ты не заберешь щенка, он точно окажется на помойке. Ну?

– Да! – у Андрея заблестели глаза, – Давно хотел. А этот вообще в волчару должен вырасти, как в том старом кино. Беру. Слушай, а ты...

Резкая трель телефона перебила их. «Извините», – пробормотал Вадим и смущенно полез в карман. Как же все не вовремя!

– Да, мам. Да, уже иду, да, опоздал на автобус. Хорошо. Хорошо, – пробормотал он дежурные ответы и, попрощавшись, выскочил из магазина. Наверное, он самый невезучий в этом городке. Вот у Андрея родители что надо, все разрешают. А у него... приди вовремя, никаких животных, чуть что – никаких карманных денег или вовсе дет.ку заблокируют. И ненавистное старое пианино в углу.

***

Андрей остался в магазине, когда Вадим ушел. Герман внимательно посмотрел на парня:

– Сильно влетело за прогулы?

– Не, я только сочинение написал. Эй! Я серьезно! – возмутился Андрей, видя что Герман понял фразу «сочинение написал» как «удачно отмазался». – Я сказал, что заболел. А Зинаидище задала скучнейшую тему написать, причем без интернета и в тетрадочке, как первокласснику! Элитный лицей, ха!

– Но родители-то не знают, – Герман не спрашивал, он утверждал. Андрей кивнул.

– Отец бы мне всыпал. Так что пришлось выкручиваться.

– Ты не сможешь, – Герман серьезно посмотрел на парня, – нельзя все время выезжать на везении. Однажды твоя удача кончится, и что ты тогда будешь делать?

Андрей небрежно махнул рукой.

– Придумаю.

Хозяин магазина собирался еще что-то сказать, но, посмотрел на безмятежное лицо парня, передумал. Андрей внимательно рассматривал щенка – мелкий, с красивой маской и светлыми пятнами над глазами.

– Он же наверняка породистый. Скажи честно – откуда?

Герман свел брови на переносице. Чуть наклонил голову – вышло угрожающе, но все же ответил:

– Скажем так: лучше будет, если он не вернется к предыдущему хозяину.

– То есть у него был хозяин? – уцепился Андрей за последние слова. Герман промолчал, а Страгин, не замечая его недовольства, продолжил, – раз был хозяин, то и имя есть. Как его зовут?

– Так, – Герман прервал парня, – или берешь собаку и топаешь домой, или я тебя выставлю пинком.

Андрей заметил негодование хозяина магазина и умолк. Погладил щенка, и тут ему вспомнилось:

– Слушай, а что значит «собаки не различают цвета»?

Герман изумленно посмотрел на парня, будто видел его впервые, а тот продолжил задумчиво:

– Я сначала подумал, что там опечатка, «цвета» вместо «цветы», но там дальше было что-то про радугу. Ничего не понял.

– Ты где, – хозяин магазина внезапно охрип и ему пришлось прокашляться, – ты где это прочел?

– Да какая-то тупая книга в библиотеке. Я же говорил – классная задала сочинение написать, что-то про письма известных людей. А там книга была. Я ее случайно взял, в тексте был полный бред, а обложка – что надо: «Выдержки из писем известных людей 20 века». Я и накалал оттуда всякого. Типа «Розовые лепестки сакуры падают со скоростью пять сантиметров в секунду» и это вот «есть люди, которые не различают красный и зеленый». Я так и не понял – они о чае или о чем? Ну и про собак было и радугу. Я подумал, что это какие-то образы, но...

– Ты сдал такое сочинение? – с непонятым изумлением спросил Герман.

– Ну конечно сдал! Хотел подковырнуть Алымову. «Напишите без интернета» – бесит просто!

Хозяин магазина долго молчал, смотрел на парня, чесал татуировку на лысом затылке. По его лицу сложно было что-либо прочитать, кроме того, что...

– Страгин, вали отсюда.

Кто бы сомневался, выдохнул Андрей. Так заканчивался каждый второй разговор с Германом Поняловским. Он взял щенка на руки и пошел домой.

***

Вадим вставал рано: мама была сподвижницей здорового образа жизни и рано утром бегала сама и заставляла сына. Он сильно удивился, когда в парке он встретил Андрюху. Приятель зевал на ходу, и тащил его вперед не вечный двигатель, но мелкий и шустрый щенок на поводке.

– Какими судьбами? – Вадим рад был остановиться и отдохнуть. Он не сильно любил утренние пробежки, и предпочел еще полчаса поспать.

– Байка выгуливал, – зевая пробормотал Андрей.

– Кого? – не понял Вадим, идя рядом с другом.

– Ну, собаку, блин. Не видно что ли? – почти проснулся тот. Вадим испытывал злорадное удовольствие, наблюдая за сонным приятелем-совой.

– Ты назвал собаку мотоциклом? – все еще посмеиваясь, спросил Вадим. Логику друга иногда понять было сложно.

– Нет, я назвал его озером, – хмуро ответил Андрей и зевнул. – Я решил назвать сибирскую лайку по-сибирски.

– А если бы это была девочка? – невольно поинтересовался Вадим

– Катей или Леной, – почти сразу же ответил друг и, поймав недоуменный взгляд, добавил, – или Яной

– Катей? Что-то я не помню ничего географического с таким названием.

– Вадик, не беси меня с утра! Катунь, блин! Река такая! Если б сразу сообразил, что мне теперь надо будет в такую рань вставать – три раза бы подумал, прежде чем брать собаку! Это хорошо я еще вчера все прибабасы купил! И стоит все это дофига...

Он широко зевнул.

– Ладно, мне еще собраться надо и Байку засунуть в переноску – мама обещала его к ветеринару свозить, проверить, если что прививки сделать. В школе увидимся, – Андрей махнул рукой и пошел к своему дому.

– Вадик, не филонь! – раздался женский голос, – у тебя еще музыкалка сегодня!

– Да, мам! – сказал он и обреченно побежал следом.

«Везет же некоторым», – думал он. – «Чумная играет, наверное, на дорогом пианино дома, Страгину вообще все можно...» Вадим, правда, еще не решил, говорить учителям и службе опеки, что Страгин работает. Друзья все-таки. Но правила есть правила.

«Решу это позже»

05 Давать сдачи

Дана проснулась рано и долго смотрела сквозь темноту в потолок. Вчера она ходила кругами, спрашивала у бабушек на лавочках, не видели ли Еньку, но без толку. Домой девочка вернулась только когда на комме запищал родительский контроль и спустя минуту позвонила Ольга.

К ее удивлению, тетя купила торт в честь первого учебного дня. И, видимо, желая отвлечь племянницу от потерявшегося питомца. Дана не могла ее понять: иногда щедрая, даже расточительная, иногда резкая и грубая. Они пили чай, и тетя принялась вспоминать свои школьные годы, не замечая что племянница устала.

Всего два дня назад часы для нее показывали время из будущего: пять часов вперед от часового пояса Москвы. Глаза закрывались на ходу, дома она никогда не ложилась так поздно.

Ну и проснулась в начале пятого. Встала, сделала несколько гимнастических упражнений, включила лампу и села за пианино. Аккуратно подсоединила штекер наушников, села и коснулась черно-белых клавиш. И услышала «до», эхом отдающееся от потолка. Девочка замерла от испуга и удивления. Пару минут просидела тихо, прислушиваясь, но тетя не проснулась. Она проверила все провода и немногочисленные кнопки, на всякий случай убавила звук и с опаской попробовала снова. На этот раз в воздухе повисло тихое «ре».

– Если будешь пробовать третий раз, я вырублю электричество, – хмуро сказала Ольга. Она стояла у дверей в длинном халате.

– А будешь шуметь, заберу шнур питания на неделю. Ясно?

Она не дожидаясь ответа ушла, зевнув напоследок. Дана выключила свет и легла в кровать. На телефоне у нее была подборка произведений, которые она хотела разучить. Она подсоединила наушники, прибавила звук и нажала «play»... И по комнате разнеслись первые ноты адажио Альбини.

Только бы тетя не услышала, благо адажио начиналось негромко. Дана забилась под одеяло, но тетя не пришла. Тогда девочка выключила звук и запустила социальную сеть.

Висело три сообщения: от папы, Аленки и Аллы Геннадьевны. Аленка спрашивала, как дела и как там провинциальная музыкалка после знаменитого музыкального училища имени Шопена? Дана шутливо написала по сурового препода, который устраивает прослушивание в сентябре, и троллит всех как Ринат. Аленка не ответила, наверняка сейчас сидела на паре в институте.

Алла Геннадьевна, хозяйка музыкальной студии и учитель Даны, спрашивала, когда любимая ученица будет готова возобновить уроки. Дана грустно посмотрела на стоявшую в углу кельтскую арфу и написала, что ей надо сначала уточнить расписание школы и музыкалки. Папа написал своей дочурке «как новая школа, нашла друзей?» Отправила короткое «все хорошо». Про Еньку она еще никому не рассказывала. Она села и обхватила колени руками. Ей вспомнился дедуля из деревни, его внимательные глаза, вздохи. Было ужасно стыдно: не уследила, не позаботилась. Она всхлинула.

Часы показывали половину седьмого. Дана начала складывать книги в сумку и вспомнила, что вчера совершенно забыла про молнию. Она кое-как все же зацепила бегунок: вроде работает, ну и ладно. За стеной встала тетя. Потом зашуршала на кухне и позвала Дану пить чай.

– Ну ты и учидила, Данька, – сказала она, намазывая бутерброд, – здесь же не Иркутск!

– Извини. Я после школы новые наушники куплю.

– Да уж, будь добра, – зевнула тетя, – а то правда заберу шнур питания. И кстати, тортик доедай.

Дане кусок в горло не лез. У Ольги зазвонил мобильник, и она лениво пошла в прихожую, искать, где же она его кинула. Пока тетя с кем-то разговаривала «Ох, Зиночка, как же так! Да, да, я слушаю!», Дана спешно собралась и ушла, хотя до автобуса оставалось еще прилично времени.

***

Андрей едва успел к первому уроку, забежал в кабинет за две минуты до звонка. Первым уроком стоял русский язык, а Зинаидище считала, что прийти позже чем за пять минут до начала – уже опоздание. Однако в классе ее еще не было, и он успел кинуть сумку и вытащить книгу, планшет и тетрадь, прежде чем прозвенел звонок.

Но никто не пришел.

– Ребята, пожалуйста, – Настя встала со своего места, – не орите, ладно? Давайте подождем пару минут, а если Зинаида Сергеевна не придет, то я схожу к завучу.

– Настюш, да мы просто ангелы! – крикнул кто-то из пацанов и заржал.

В этот момент дверь открылась и вошел директор. Градус веселья упал ниже нуля. Следом шагнул мужчина, старающийся выглядеть современно: короткая молодежная стрижка, рубашка по фигуре, жилетка, джинсы, кеды. Эдакий образцовый «свой» учитель из социальной рекламы или видеоуроков обычных школ.

За ним, смущаясь, зашла невысокая девчонка, в которой Андрей и пацаны из музыкалки узнали Дану. Директор откашлялся:

– Ну что, 8 «Б» опять вас на всю школу слышно? Тихо подождать вы не можете?

Все молча потупили взоры: присутствие директора подавляло. Хотя Аркадий Павлович был очень неплохим мужиком, но об этом знали только Страгин, Громов Данька и пацаны К-комбо – все, кто постоянно общался с директором по поводу своего нестандартного поведения. Ну и Саня Аристов – почетный внук директора. Остальные не видели его чаще, чем во время речей в начале и конце учебного года.

Сейчас школьники разглядывали зашедших взрослых с интересом.

– К сожалению, – директор вздохнул, – Зинаида Сергеевна приболела и сегодня ее не будет. Урок проведет Милютин Игорь Леонидович. Он заменит Елизавету Ивановну на посту завуча по воспитательной работе и преподавательницы русского и литературы. Прошу любить и жаловать.

Класс загудел. Елизавету Ивановну все любили – она была как любимая бабушка, всегда добро журила и никогда не повышала голос на нерадивых школьников. И была классным руководителем параллельного класса, чему весь 8 «Б» под руководством строгой Зинаидищи завидовал.

– Тихо, тихо, – Аркадий Павлович поднял руку. – Это не все новые люди на сегодня.

Он показал на Дану.

– По традиции новых учеников представляет классный руководитель, но раз Зинаиды Сергеевны сегодня нет, это сделаю я. Дана Арионова будет учиться с вами. Дана, можешь сесть... хм, – директор задумался, оглядел класс и сравнил невысокую девушку с более старшими восьмиклассниками. Его взгляд остановился на первой парте второго ряда, где сидел его внук и Вадим. И дальше, на второй парте, где сидел в гордом одиночестве глава К-комбо Костян Свободин.

– Вадим, да? Пересядь на вторую парту, а Дана сядет на первую, вместе с Александром.

Морковин ошарашенно замер. К-комбо не зря сидел один: он умудрялся доводить кого угодно до слез безобидными, но жестокими приколами. Свободин хмыкнул: мол, посмотрим насколько тебя хватит. Вадим обреченно и зло глянул на новенькую, сгреб книги и пересел. Дана неловко опустила на его место и принялась готовиться к уроку. Аристов-младший с интересом разглядывал новенькую.

– Меня Саня зовут. Ты обращайся, если что.

– Хорошо, – тихо ответила она. Директор откашлялся:

– Оставляю вас на попечение Игоря Леонидовича. Надеюсь, вам ума хватит не срывать урок у завуча. Это к тебе относится, Свободин! – повысил он голос, заметив ухмылку К-комбо.

Он скрылся за дверью. Игорь Леонидович откашлялся, еще раз поздоровался и начал урок.

– По плану у вас должна быть самостоятельная работа. Но, я думаю, никто из вас ее писать не хочет. Поэтому я оставляю ее для вашего классного руководителя. А сегодня мы повторим материал в форме игры.

Все начали перешептываться. Свободин нагло хмыкнул, мол, не маленькие мы, в игры играть. Учитель не обратил на смутьяна внимания, запустил интерактивную доску и вкрадчиво сказал:

– Кто хочет стать миллионером? – насладившись тишиной и вниманием восьмиклассников, он продолжил, – так называется игра, а спросить я хотел «кто хочет быть ведущим?» Как насчет вас, активный молодой человек? Как вас зовут?

– Костя. Свободин, – буркнул недовольный К-комбо. Учитель буквально вытащил Свободина к доске, вручил планшет с заданиями.

– Первый тур – отборочный. Приготовьте ваши планшеты для ответов, у вас будет тридцать секунд. Отвечать до того, как Костя дочитает задание, нельзя. Костя, начинайте читать.

Свободин откашлялся, пробежал глазами текст, замер, потом снова просмотрел его. Молча.

– Костя? – Игорь Леонидович вопросительно наклонил голову. Свободин откашлялся и начал читать, изображая бессменного очкастого ведущего из ТВ-шоу:

В каком примере не нарушена речевая норма, – вслед за его словами на интерактивной доске появлялся текст:

Вариант А – аэрозоль для моли (тут кое-кто хихикнул)

Вариант Б – дружить с Чебурашкой (Женька оттопырил уши руками, дразня К-комбо)

Вариант В – взойти под къярт (Стас и Симка дружно фыркнули)

Вариант Г – издеваться об учителя (это Свободин прочел немного обреченно, и тут уж усмешку не удержали многие, зная К-комбо)

– Внимание, ответ...

Доска высветила имя героя и правильный ответ: *«Арионава Дана, верно, «дружить с Чебурашкой»*

Тут уже не выдержал даже Аристов Саня и прыснул в кулак.

– Я сразу подумал, как оно звучать-то будет, в конце, – хмыкнул Свободин, – я вот не хочу дружить с Чебурашкой.

– Выходи, Дана, – Игорь Леонидович сделал красивый жест, будто пригласил девушку на бал. Дана вышла к доске, прижимаю к груди планшетку, – у тебя будет двенадцать вопросов и две подсказки: 50/50 и помощь друга.

– А как же помощь зала? – выкрикнул Стас и заржал.

– Помощь зала в условиях школы превращает урок в сабантуй, – усмехнулся учитель. – Так что вам хватит и двух подсказок. 11 из 12 – это пять. 9 из 12 – четыре. Троек и ниже с таким подсказками, надеюсь, не будет, – он повернулся к Свободину.

– Начинайте, Костя.

– Может, тебе за пятый класс тесты прочесть? – шепнул Свободин Дана, прежде чем начать. Та нахмурилась и еще больше замкнулась. Но тем не менее отвечала мгновенно, и, к дичайшему разочарованию Морковина и Свободина – правильно. Справившись минут за пять, она получила «отлично» и собиралась сесть.

– Нет-нет, теперь вы ведущая, – остановил ее Милютин. Давайте новый тур, у нас еще есть время.

Дана зачитала вопрос на написание «не-» с наречиями, доска высветила «*Страгин Андрей, «нелепо нынче быть ди-джеем, неумно Шуберта не знать», вариант В, верно»*

Наблюдая за тем, как с последней парты к доске идет Страгин, девочка подумала, что тесты у учителя точные. Вряд ли этот фонарный столб знает Шуберта. К ее удивлению, парень отвечал правильно, использовав 50/50 лишь на вопросе с ударениями.

– И последний вопрос, – Дана вошла в роль и даже хотела, чтоб Страгин ошибся

В каком предложении нет однородных членов:

Вариант А – Я выбирал в магазине книги и не мог выбрать, не знал, что лучше подарить другу, и продолжал брать с полки все новые и новые тома.

Вариант Б – Парень на крыше играл в водное поло, а голуби пели ему смешные песни.

(она улыбнулась, вспоминая эпизод на остановке)

Вариант В – Свеча то затухала, то гасла.

Вариант Г – Хотелось подарить ей цветы, и я смотрел на яркие лилии, темные фиалки, ароматные красные розы.

– Ваше время 30 секунд, – принялась отсчитывать Дана, все еще в роли. – Тридцать, двадцать девять, двадцать восемь ...

Вопрос не был трудным, но парень застыл, будто услышал что-то другое, а Дана продолжила считать:

– ...четыре, три, два, один, ноль. Ваше время вышло. Вы проиграли.

Страгин вздрогнул, будто проснулся. «Красные розы» повторил он еле слышно.

– Ответ неверный, – сказала Дана.

И тут прозвенел звонок.

– Урок окончен! Рекомендую подготовиться к самостоятельной! – сказал Милютин собирающимся школьникам, – Настя Хоменко, ты как староста, покажи новенькой в каком кабинете следующий урок! Страгин, задержись на минутку.

– Уууу, Андрюха попал, – протянул Стас с Ванькой, – Как всегда.

***

Милютин подождал, пока все вышли.

– Андрей, ты неплохо отвечал. Почему замаялся на последнем вопросе? На новенькую засмотрелся? – завуч прищурился, вроде по добром, но как-то двусмысленно.

– Да нет, просто «красные» – странное слово.

– Ну почему же, – улыбнулся Игорь Леонидович, – это всего лишь устаревшая форма «красивый». И где ты его встречал последний раз, что оно тебя так смутило?

– Ну, я писал сочинение на днях по старой книге.

Милютин постучал стилусом по столу.

– Вот как? Надеюсь, Зинаида Сергеевна мне его покажет,

«Надеюсь, нет» – подумал Андрей, вспоминая свой минутный порыв, который теперь казался ребячеством. Подумаешь, скучно было. А завуч снова покрутил стилус, и продолжил:

– Ладно, лучше скажи: вы со Свободиным друзья?

– Не совсем, – дернул плечами Андрей. Посвящать учителя в тонкости не хотелось. – А что?

– Ничего, просто будь внимательней, хорошо? Есть в школах те, кто сидят на «капле». Не попади в дурную компанию, а то ты и так часто у директора бываешь, – Милютин по-свойски подмигнул, типа «мол, то – по мелочам и фигня, а это – серьезно».

***

Андрей задумчиво поднялся на третий этаж.

– Чего новый завуч хотел? – ткнули его с двух сторон Стас с Симкой, – признавайся, Дрон ты наш.

– Да фиг его поймет, – буркнул он, – познакомиться.

Тут его внимание привлёк дикий ржач полного состава К-комбо: Свободина, Женьки и Левы.

– Что там у них?

Хотя отвечать не требовалось.

– Ты будешь симпотяжкой, хотя ты Чебурашка! – кривлялись и распевали пацаны. Новенькая стояла у стены, пытаясь игнорировать их, но видно было, что будь она одной с ними весовой категории, дала бы в челюсть.

– Эй, К-комбо! Завуч тебе кое-что просил передать... – окликнул его Андрей.

Свободин развернулся.

– Ну и?

– При всех что ли твои грехи перечислять? Я тебе не кьярт. Давай отойдем

– Короче так, – начал Андрей, едва они свернули за угол, – нефиг троллить маленькую девочку.

– Влюбился что ли? – хмыкнул Свободин. – Чего мне указываешь?

Было стойкое чувство, что Костян его намеренно бесит.

– Слышал, есть фигня такая – совесть?

– Да ладно, – недоверчиво уставился на него К-комбо, – кто в прошлом году Анечку до слез довел?

– Ты. Забыл? И вообще, Тайную не жалко, – буркнул Андрей, вспоминая тот поганенький случай, – она сама кого хочешь доведет. А маленьких обижать не хорошо.

– А ты не боишься, – Костя прищурился, – что я обращу свой юмор на твоего друга, которого ко мне подсадили?

Андрей махнул рукой.

– Он не девочка, сам тебе рожу начистит если надо. И ты не боишься человека такого – директора? Я ведь могу сходить.

Свободин нахмурился. Опустил голову.

– Андрюха, знаю, что не пойдешь к деду жаловаться. Так что не угрожай.

– Вот и договорились, – Андрей панибратски, закинув руку на плечо, добавил на ухо ошеломленному Свободину: «Милютин тебя в наркоте подозревает почему-то». Было немного стыдно за упоминание директора, все-таки Костик тоже его внук, как и Саня. Только мало кто об этом знает. Сложно все. Но зато поговорили, и никакая охрана за камерами не придерется.

***

Дана смотрела, как по коридору шли Страгин и Свободин. Приятели, значит? Она прищурилась.

– Все нормально? – к ней подошла Настя, – мне мама звонила. А что тебе наши К-комбо с Дроном говорили?

– Да так, просто спрашивали откуда я и все такое, – пробормотала она. – А почему К-комбо?

– Ну, К- костян, а комбо – вместо компании, ну, знаешь, Костян и ко. Комбо еще потому что они постоянно в виртуальные стрельялки играют, – неодобрительно протянула староста, – Андрюху Дроном иногда зовут потому что он как многорукий летающий робот – везде успевает и никогда не устает. И постоянно попадает в переделки.

Дана с ней согласилась. Страгин разозлил еще вчера, с кучей вопросов и этой прилипчивой дружелюбностью. Но отчасти девочке понравилась его честность. Или наглость? Но увидев, как он обнимается с К-комбо, она сразу вспомнила и шутку с голубями, и подшучивание над Вадимом из-за того дурацкого случая в музыкалке.

Лучше держаться подальше. Да и вообще, Дана не планировала заводить здесь друзей.

...сегодняшний день не задался с утра: с испорченных наушников для пианино и нагоня от тети. Она хотела прийти в школу пораньше, и, пока Ольга разговаривала по телефону, выскользнула за дверь. Однако пару минут спустя к остановке подъехала тетя на машине и указала ей на дверь.

– Умеешь же ты доставать, Данька, – выдохнула она, – ты в курсе, что уходить не прощаясь – не вежливо?

– Извини, я думала это личное, – тихо сказала Дана.

– Ну личное оно и есть. Мне звонила Зиночка, ой, для тебя Зинаида Сергеевна. Ее сегодня не будет в школе, поэтому я тебя отвезу и директор или завуч тебя определят. Все-таки ты у нас уникам, двенадцать лет и в восьмом классе!

Слова были обычными, но то, как тетя говорила, ее тон, каждый произнесенный слог подчеркивал, что она Дана, здесь никто. Они приехали в школу и Ольга отвела ее в кабинет к директору Аристову Аркадию Павловичу – высокому мужчине с седыми волосами на висках.

– Оленька! – обернулся он, когда тетя открыла дверь в его кабинет. – А, это и есть твоя юная племянница? Зинаида Сергеевна говорила про вас, помню. Заходите.

Дана несмело зашла в кабинет. Статный пожилой джентльмен – иначе не скажешь – был одет в прекрасный серый костюм, и, очевидно, был директором. Второй, более молодой, неформально одетый, обернулся к ним с интересом.

– Зина мне звонила, и сказала, что ей перенесли дату обследования на сегодня.

– Да, я знаю, Оль, – покачал головой директор, – мы это и обсуждаем с Игорем Леонидовичем. Вы подождите пару минут, а потом мы пойдем в класс, я представлю Игоря Леонидовича и вашу симпатичную племянницу.

– Спасибо, – чопорно сказала Ольга, – я оставлю ее под вашу опеку, иначе на работу опоздаю.

Тетя ушла, а директор, обсуждавший с новым преподавателем расписание, звонок не сразу заметил.

– Знаешь, – обратился он к ней, пока они шли к кабинету, – твоя тетя была моей любимой ученицей. Если что, обращайся. И, хм, – он замялся, – у нас очень хороший медпункт.

Он многозначительно кивнул. Дана стиснула рукой ремень сумки и нашла в себе силы сказать «Спасибо».

Урок прошел не так уж и плохо. Только она не знала, кто напугал больше в новом классе: высоченные парни, из которых Страгин не сильно-то выделялся, или одноклассницы, которые уже выглядели взрослыми девушками. Она-то и для своего возраста была мелкой, а среди этих и правда выглядела пятиклассницей. Как всегда, нашлась пара идиотов, которые прицепились к внешности. Она держалась, не вспыхнула, не заревела, не побежала жаловаться. Уже сидя на уроке физики и немного рассеянно слушая основы термодинамики, она задним числом отметила, что с нелепой подачи учителя ей придумали самое оригинальное прозвище. Чебурашкой ее никто не называл, и, если подумать, то это было куда приятнее, чем Конопля, Кнопка, Оспа, Зараза и куча других нелицеприятных прозвищ.

Третья перемена была большой, и уже начинала работать столовка. Младшие классы шли на завтрак, а старшеклассники – купить булочку. Дана вспомнила, что не завтракала толком, и тоже решила подкрепиться.

– Какао и булочку с корицей, – она протянула пухленькой тетушке свою детскую карту. Та провела картой по панели.

– Извини, милая. Отказ.

– Не может быть! – воскликнула она. Отец никогда не блокировал ей карту!

– П-пробуйте еще раз, пожалуйста!

Буфетчица провела картой снова.

– Заблокировали ее тебе. Ничего, обед скоро. Он бесплатный.

– Попробуйте еще раз, – Дана чуть ли не плакала. Что не так с картой? Ей еще надо было сегодня купить наушники. Не будет карты – не будет наушников – не будет пианино.

– Пожалуйста, – обреченно попросила она.

– Слушай, хватит уже, – раздался голос пацана из-за спины, – заблокировали тебе детку, и что? Первый раз что ли? Уроки надо лучше учить. Отойди, не задерживай.

Она обернулась и увидела, что за ее спиной и правда создалась очередь. С туманом на глазах она забрала карту и сделала пару шагов прочь. Парень уходил за столик мимо нее, неся на подносе пирожки и сок.

– Мне чай и пирожок с яблоком, – раздался голос сзади. Дана не выдержала, оглянулась – это был Страгин. Он доставал из карманов деньги. Наличные. Деньги. Бумажные. В школе. Дана оглянулась – это здесь никогда не удивило. Подумаешь, деньги! Подумаешь, никто ими не пользуется почти! Разве что мафиози в кино или какие-то старики!

– Нет у меня сдачи, когда ж ты уяснишь, что не держим мы наличности, – вздыхала буфетчица и смотрела на приколотый листок. Страгин попытался заглянуть за стойку, но она махнула ему рукой. – Накопилось уже у тебя...

– Ну тогда дайте мне на сдачу еще какао и булочку с корицей.

Дана не могла перестать наблюдать за ним. Что он будет делать дальше? А дальше он повернулся и звонко, на всю столовку окликнул ее:

– Эй, Дана! Сибирячка! – добавил он, заметив что она не реагирует. А ей хотелось провалиться сквозь землю. И уже подойдя ближе с подносом в руках, он, так и не добившись ее ответа, чуть слышно добавил:

– Ну выпей со мной чаю, Чебурашка, – поймав ее острый взгляд он добавил шепотом, – а то ведь попрошу громко. Вся школа услышит. Ну?

Оставалось только кивнуть и проследовать за Страгиным за пустой столик.

– Ну и зачем? – первым делом спросила она.

– Да просто, – бросил он, – тоже позавтракать не успел. Ты пей, скоро перемена кончится, а наш математик не любит, когда опаздывают.

Она последовала его примеру и принялась пить какао. Здесь он был неплох – конечно, не дотягивал до того, которое она варила сама, но и водой, судя по всему, его не разбавляли. Она допила и встала.

– Эй, а где спасибо? – спросил Страгин, прихлебывая чай, вопреки своим собственным словам, весьма неспешно. Хотелось спрятаться, забиться в уголок, а она смотрел и ждал чего-то. Продолжения разговора? Повода для новой шутки?

– Спасибо, – буркнула она и ушла.

Страгин догнал ее в коридоре.

– Ты хоть знаешь в каком кабинете урок?

Дана смутно помнила, что Настя, миленькая староста, говорила, что вроде бы в семнадцатом. Обычно единица означала первый этаж, а двойка второй, вспомнила она городские школы.

– Это на первом этаже, да?

Страгин вздохнул и обогнал ее, чтобы идти впереди.

– Пойдем-ка.

– Я сама дойду! – Дана остановилась. Прекрасно понимала ведь, что это ребячество, глупость. Но успокоиться уже не получалось. Старин ее бесил невероятно, особенно ее напугало его братание с К-комбо.

– Отстань!

Она пошла вперед. Мимо них пронеслись несколько младшекласников, не разбирая дороги, и она чуть не упала. Страгин схватил ее за руку. То ли поймал, то ли удержал.

– Отпусти! – возмутилась она и попыталась ударить. Парень легко поймал ее за запястье, взял сумку с ее плеча и перекинул на свое.

– Как ж ты достала! – сказал он в сердцах, – Где спасибо? Ну обидели тебя, и что? Теперь всем будешь сдачу давать? Авансом? Блин, добрее надо быть!

По коридорам гремел первый звонок.

– Пойдем, – уже резко сказал он. Дана едва успела за ним подняться на второй этаж и свернуть в незаметный коридор с кабинетом номер семнадцать. Ей было стыдно.

Получается, она теперь ему должна?

Об Хромые инопланетяне в меловых распадках

*..красные розы на белом окне,
Словно горели в ярком огне,
Словно смотрели прямо в глаза,
Словно хотели что-то сказать...*

Андрей проснулся под шепот в коридоре. Мама фальшиво напевала старую песню, кажется – Шмидта. Часы показывали шесть утра. Красные розы почему-то зацепили его, слово застряло в памяти как заноза. Может, потому что он решил подарить эти самые розы и впервые задумался о том, почему же они красные и как определить: какие розы красные? По логике красный – устаревшее «красивый», все розы красные... но логика казалась ушербной.

Всё было слишком сложно. И в тоже время казалось простым, но неуловимым... Андрей бросил думать про странные слова, учителей, непонятных одноклассниц, и, зевая, оделся и отправился выгуливать Байка. Щенок грустил и рвался на улицу при каждой возможности.

– Андрюх, ты не забудь – окликнул его отец, когда он уже брал школьный рюкзак, – мы ж договорились. С тебя цветы.

– Да. Да, конечно!

Суббота, 12 сентября.

7:50, а он до сих пор не погуглил, как выбрать цветы.

***

В школе он с размаху уселся рядом со Стасом.

– Где Симка? – До начала урока оставалось пара минут, а девушки не было, – не могу до нее дозвониться.

– Она типа болеет, – Стас сморщил нос, – эти их девчачьи дела, мама дала ей таблеток и разрешила остаться дома.

Его «типа» отлично показывало отношение брата – он явно считал Симку симулянткой.

– На что она тебе? Влюбился? – хохотнул Стас, – после стольких лет – наконец свадьба?

– Иди ты! – Андрей шутливо показал кулак, – просто она единственная девчонка, с которой можно куда-то сходить без того, чтоб она выдумала романтическую фигню.

Стас понимающе улыбнулся.

– Позови Тайную, чего ты.

– Издеваешься? Анечка всем сразу расскажет, что это было Свидание, с большой огромной буквы «С».

Андрей решительно не понимал девчачьих заморочек. И не хотел свиданий. Тем более, когда причина звучала как «я хочу чтоб все знали с каким клёвым парнем я гуляю». Он ведь не сумочка и не собачка!

Мимо парней прошла симпатичная круглолицая одноклассница. Стас помахал ей рукой и дернул головой в ее сторону.

– Котюню спроси, она тебе всегда поможет.

– Чтоб над ней издевались? Ага, спасибо, мы это уже в прошлом году проходили.

Стас почесал затылок.

– Как-то я забыл, за что вы с К-комбо.... бедную Тайночку.

– Вот-вот, забыл он. Она ж Котюню да истерики довела.

Дверь открылась и в класс зашли последние ученики, чудом успевшие ко звонку.

– Слушай, – Стас ткнул его в плечо, – позови новенькую. – Симка говорит, она нормальная, к тому же мелкая – вряд ли додумается до романтической чуши.

Страгин хмыкнул и посмотрел на первую парту, где с внуком директора сидела невысокая, зажатая фигурка.

– А вот это, отличная идея, бро.

***

Неделя окончилась без происшествий – не считая довольно нелепого урока физкультуры, который пыталась вести молодая практикантка. Закончилось тем, что пацаны кидали мяч, пока девчонки сплетничали на скамейке. Дана подружилась с Симой Ветровой – грубоватой, но очень классной сестрой остолопа Стаса. К ее удивлению, они были не двойняшки, а просто погодки, которые оказались в одном классе из-за неуправляемого соревновательного характера Стаса. Он заявил, что учиться на класс младше сестры не будет, не мужик что ли. Дана смеялась, когда Симка, понизив голос, пересказывала истории новой подруге.

В музыкалке девочка договорилась, что перенесет туда свою арфу. Против занятий дома Ольга была категорически против: ладно еще электронное пианино – надел наушники, но арфа! Старая струнная арфа! Да еще и в рань несусветную! (Алла Геннадиевна могла вести урок-трансляцию только днем, а здесь это было рано утром)

А директор пошел ей навстречу.

Даже Комбо идиотов – Страгин и Свободин больше не дразнили ее. Она каждый вечер гуляла, хотела найти Еню, но не находила. И даже в своих снах звала щенка.

Но в школе все было нормально. Пока в субботу, после второго урока к ней не подошел Андрей Страгин. Неловко помялся, попытался привлечь внимание. Она задрала голову, чтоб посмотреть ему в глаза. Он изобразил поклон.

– Не соизволишь ли ты выйти со мной на минутку? О прекрасная леди!

Свободин из-за спины ухмыльнулся.

– Зачем?

– Приглашу на бал, – подмигнул он, и заржали уже все, кто сидел в классе.

Дана, потемнев лицом, вышла за ним.

– Слушай, хватит кривляться! – начала она ему выговаривать. – Ты вечно ведешь себя как клоун.

– А ты как будто тебя кто-то обидел! – не удержался он. – Добрее надо быть! А... блин, не хотел с тобой ругаться!

– А чего хотел? – Дана скрестила руки на груди и уставилась на него снизу вверх. Он странно на нее посмотрел, а потом выдал:

– Сходи со мной в магазин за подарком.

– Что? – этого девочка не ожидала.

– Ну, мне надо купить подарок кое-кому. Цветы, – начал он объяснять, смущаясь все больше и больше. – Очень важный подарок, понимаешь? А я в этом не разбираюсь.

– Ладно. Но почему я? – с внезапной опаской спросила Дана. Вдруг это дурацкий розыгрыш?

– Почему нет? – он моргнул. Дана тоже. Они смотрели друг на друга с минуту, потом зазвенел звонок.

– Договорились? Только никому не рассказывай! Ты мне все равно должна за какао, – ухмыльнулся он, будто выдал последний аргумент.

Оставшиеся три урока Дана задавалась вопросом: зачем согласилась?

Они зашли уже после звонка, но на следующей перемене...

– Что Дрон хотел? – был вопрос номер один. От Сашка Аристова, Насти Хоменко, и Тайной Ани, которую все звали просто Тайной. Остальные доставали Страгина. Тот нес несусветную чушь про поиск инопланетян в меловых распадках вдоль реки и древних захоронений хромых лысых одноглазых викингов в чаще соседней дубравы.

Все ржали и угорали. Дана посмотрела на них, и ответила.

– На свидание позвал. А что?

Стоило это сказать и Страгин обернулся с совершенно квадратными глазами. Настя с Тайной хмыкнули, а Сашка легонько коснулся ее плеча.

– Значит, точно будете искать хромых инопланетных викингов. Ты там держись, звони, если что.

Больше никто ни о чем не спрашивал.

***

– Почему я? – первым делом спросила Дана, едва они отошли от школы.

Андрей нервно притоптывал вокруг нее, пока она собиралась в классе, и сейчас, взглянув пару раз на часы, зашагал по улице.

– Хм... если коротко, то потому что я тебе не нравлюсь.

– Эй! – возмутилась она. – Ты просто наглый! И шумный!

– Я просто веселый, а ты маленькая запуганная девочка. Пойдем, – запиликал светофор и он взял ее за руку. Дана вырвала руку на другой стороне перехода и насупилась.

– Нечего меня хватать! Сейчас домой пойду.

– Подожди, – в его веселой улыбке тут же промелькнуло что-то просящее, было видно, что это для него важно. – Мне правда нужна помощь. Извини, – он поднял руки, – как-то само собой вышло, ты такая мелкая... Эй, стой! Я сейчас все объясню.

– Только без рук, – Дана остановилась. – Что тебе надо?

Он потупил взгляд и засунул руки в карманы, как будто девочка спросила нечто неприличное. Дана думала, что он и не ответит, но Андрей вздохнул.

– Ладно. Мне надо купить букет цветов в подарок, понятно? Это очень важно, но кому не спрашивай. Я в этом не разбираюсь, это ж не колеса на велик покупать, не баскетбольный мяч, не струны на гитару. Я хотел пойти с Симкой. Но она заболела. А большинство наших одноклассниц воспримут приглашение как свидание, – это слово он аж выплюнул, – а потом они опять между собой переругаются, потому что будут думать что я в кого-то влюбился. Короче, головняк сплошной. А тебя я позвал, потому что хоть ты и мелкая обиженная на всех девочка, но я тебе не нравлюсь и ты не станешь думать что это типа свидание и потом гордиться этим перед всем классом. Вот. Довольна?

Все это он выпалил дичайшим речитативом, и Дана немного ошалела от такого проявления честности. Она хмыкнула, а потом не выдержала и рассмеялась.

– Ну что опять? – он нахмурился.

– Извини, – она улыбнулась, – просто это так мило.

Страгин внимательно посмотрел на нее.

– Что мило-то? Ладно. Пойдем, у меня времени мало.

***

Дана едва успевала за его размашистым шагом. К ее удивлению, они пошли не в сторону «Веги» и новых районов, но в сторону старого центра. Там был рынок, администрация и общественный кьярт на площади. Они проследовали мимо красивых невысоких зданий и магазинчиков, мимо книжного, мимо...

– Эй, стой! – Дана дернула его за рукав. Андрей уставился на нее, как будто она его разбудила.

– Ты чего?

– Я? Это с тобой что такое? Мы ведь пришли!

Они стояли около красивых стеклянных витрин, под замысловатой вывеской «ОрхидеЯ», где «О» была прорисована розочкой, а завиток «я» шел под всей надписью и напоминал ветку орхидеи.

Внутри магазинчика благоухало и Дана зажмурилась на мгновение, а потом жадно принялась разглядывать витрины. Страгин стоял столбом и затравленно озирался.

– Никогда раньше не был в цветочном магазине.

Дана не выдержала и честно сказала:

– Я тоже.

– Что? Но ты же... – вероятно, он хотел сказать «ты же девчонка» но не успел, к ним подошла молодая симпатичная девушка.

– Вы что-то хотите?

Страгин сглотнул, набрался смелости и выпалил на одном дыхании:

– Мнелужныкрасныерозы!

– Что, простите? – продавщица его не поняла.

– Ну, розы. Красные. – повторил он уже менее уверенно и оглянулся на Дану, ища помощи. Она вздохнула:

– Покажите нам пожалуйста розы, – еще раз попросила она продавщицу, – нам учителю надо на День Рождения подарить букет, – сказала Дана, и только потом сообразила, что смо-
ризила глупость: они были в магазине в субботу, после уроков. Какие учителя?

Но продавщицу это объяснение устроило, она подмигнула:

– Мальчики, как всегда сами выбрать не могут, да? Сейчас я покажу вам букеты, не пере-
живай, мы с тобой выберем лучший...

И продолжая бормотать «мальчишки сами ничего не могут» и разные вариации на тему, девушка двинулась вдоль витрины.

– Вот, смотрите, прекрасный букет чайных роз, тех самых «Гибикус»!

Букет из темных, мягких цветов стоял под стеклом. Когда девушка открыла дверку, чтоб
показать им поближе, нежный запах окутал их. Цветы были обернуты в полупрозрачную бле-
стящую бумагу, между ними, оттеняя темные листья, были вставлены тонкие светлые веточки
мелких белых цветов.

Дане букет понравился, хотя не много она их видела – только в кино и журналах. Но
Страгин скептически уставился на цветы.

– Не, не пойдет. Надо именно красные, понимаете?

Девушка смутилась.

– У нас нет такого сорта. Я думала, вы имеете в виду красные чайные, есть еще «Краса
голландская» и «Красина», – она показала на махровые светлые розы в соседнем букете.

– Они не красные, – уверенно сказал Страгин. – Пойдем, Дана.

Дальше он двинулся уже не с оцепенением, а с азартом, и Дана едва за ним поспевала.
Красные розы, ха. Он спрашивал их у бабушки с букетами домашних цветов, в небольшом
отделе в магазине подарков, у пожилого кавказца в уличном павильоне под покосившейся циф-
рой 24 в круге из ромашек.

«Красные розы» ставили всех в тупик. Дана уже устала от спортивной ходьбы, не успе-
вая за размашистыми шагами высокого одноклассника. Вспомнилось, как она в прошлом году
хотела подарить Алене что-нибудь особенное. Они подружились в студии у Аллы, второкурс-
ница Алена играла в группе и, когда заходила в студию, относилась к Дане как к младшей сест-
ренке. Для той же «крутая» девятнадцатилетняя девушка казалась чуть ли не ангелом-покро-
вителем. И когда Алена рассталась со своим парнем накануне ДР, Дана решила подарить
подруге что-то особенное.

И отправилась на поиски трехухого зайца. Этот странный персонаж с дурацким именем
Фрошик был героем комиксов-стрипов. Оказалось, комиксы были менее популярны, чем рас-
сказывала Алена, и Дана нашла неказистого зайца только в одном сувенирном магазине. Но
там принимали лишь взрослые кредитки. Тогда она отправилась, как сейчас Страгин, по всем
порядку окрестным магазинам с вопросом «есть ли у вас трехухий заяц?»

Пялились на нее тогда так же, как на Страгина с его розами.

Дана перекинула сумку на другое плечо, молния, которую она так и не зашила толком, грозила снова разойтись. И она устала.

– Слушай, что мы ищем? Мы обошли весь центр. Ты хочешь дойти до рынка?

Он нахмурился.

– На рынке делать после обеда нечего, а вот рядом есть один старый магазин. Если и там ничего не найдем... – Он повернулся к Дане, – как думаешь, если подарить не совсем то, что человек хотел, это его сильно расстроит?

– Не знаю, – честно ответила Дана, – это зависит от того, как много значит для человека «то самое» и насколько важен тебе человек.

Ее собственная эпопея закончилась тем, что она плюнула и сшила мохнатого трехухого мутанта сама. За ночь. Вышло коряво, но мило.

Они остановились у простой вывески «Дикий лес». Пафоса, как у «орхидеи» здесь было меньше, но огромный зал был намного уютней – с несколькими креслами и аквариумами. Вообще-то, это был наполовину зоомагазин, наполовину магазин с комнатными цветами. Хотя, когда ребята прошли дальше, то оказали перед весьма впечатляющей витриной с букетами. За ней девушка поправляла идеальный маникюр.

Заметив ребят, она прервала свое занятие и встала.

– Вам помочь? – она была вежлива и подтянута, просто образцовый продавец. Ее снисходительный взгляд прошелся по лицу Даны, и та сразу почувствовала себя уродкой.

– Нам нужны красные розы, – резковато сказал Страгин.

Продавщица на мгновение замерла, а потом уверенно показала на изящный и явно дорогой букет, украшенный стразами.

– Вам подойдут эти. Это сорт правильно называется «Красина», а в оформлении наш флорист использовала бумагу от...

– Они не красные, – прервал ее Андрей.

Девушка прищурила глаза.

– Вы знаете, наш флорист недавно получила награду на региональном конкурсе, она всегда внимательно подбирает цветы. Вы только посмотрите на декор, вдохните аромат...

– Да, но они не красные, – уже ехидно добавил Андрей.

– Вы издеваетесь. – девица уставилась на него и внезапно взвизгнула, – Я знаю! Вы цену сбиваете! Я сейчас позову управляющего! – И убежала.

– Истеричка, – припечатал в спину Страгин. И подошел к цветам поближе, внимательно рассматривая букеты. Он зачарованно вглядывался в каждый, пытаясь проникнуть в самую суть цветка. Как, черт возьми, понять, какие из этих несчастных срезанных растений – красные? И что это слово значит? Запах, тон, узор? Просто устаревшая форма от «красивый», как сказал учитель русского? Андрей не знал, но продолжал вглядываться сквозь стекло.

– Вот, вот они! Эти дети! – цокая каблучками вернулась девушка. За ней неспешно шествовала пожилая дама в фартуке.

Андрей оторвал взгляд от витрины и показал на простой букет из темных роз.

– Мы возьмем этот, – спокойно сказал он, будто ничего и не было. – Просто розы без бусиков.

– Так вам просто надо было дешевый! Цену сбивал, мальчишка! – зашипела девица.

Дама-флорист иронично посмотрела на нее.

– Помолчи, Вероника, – та сразу умолкла, а дама с интересом посмотрела на Андрея. – Почему этот, юноша?

– Не знаю, – честно ответил Андрей. – Должны же хоть какие-то розы быть красными?

Продавщица и флорист – обе внимательно на него посмотрели. Девица – с возмущением и удивлением, а дама-флорист – со смесью иронии, удивления и затаенного страха.

– Я соберу тебе букет, – наконец прервала молчание дама.

– Не надо букет, – буркнул он, – просто цветы, 11 роз.

– Но ты ведь не сестренке дарить собрался, – заметила дама. В ее голосе было что-то еще. Тоска? Печаль? Он не понял.

Стоп. Сестренке?

– Нет, определенно, – он еле удержал смех. – Давайте, делайте букет.

Дана, пока они препирались, отошла к секции комнатных цветов и рассматривала что-то невзрачное в горшках. Андрею стало интересно, слышала ли она. И он снова едва удержался от смеха. Сестренка, ха. Скажи кому, что она одноклассница – не поверят. К тому же их постоянные стычки и перепалки напомнили ему Стаса с Симкой. Это было забавно. И ему захотелось продолжить игру.

Женщина протянула ему букет и улыбнулась грустно:

– Не ходил бы ты, мальчик в «Вишневую дверь». Покою не будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.